

## ПАТРИОТИЗМ И ПРАВЯЩАЯ КЛИКА.

Газета «Свет», а за нею и «М. Вед.» заявляют в виду нынешних революционных волнений, что наша молодежь является бессознательным орудием в руках «международных агитаторов», устраивающих беспорядки в целях повредить могуществу России.

«Международные агитаторы» — это мы — социалисты. Мы задались целью ослабить политическое могущество России и ради этой цели вызываем волнения среди рабочих, крестьян и молодежи. Неизвестно, платят ли нам за это деньги иностранные державы, т. е. «Свет» и К<sup>о</sup> не прочь бы заявить, что они платят нам деньги, но такое заявление было бы не совсем удобно в виду все учащающихся фактов преследования русских социалистов со стороны европейских правительств. В прошлом году шесть русских социалистов было изгнано из Швейцарии, недавно столько же подверглось изгнанию из Франции, а затем начались высылки из Пруссии. Очевидно, что о соглашениях между западно-европейскими правительствами и «международными агитаторами» говорить не приходится. Тем хуже для последних. Почтенные реакционные газеты могли бы еще объяснить «по человечеству» денежную сделку между «агитаторами» и «враждебными России державами», но только извращенностью человеческой природы могут они истолковать непонятное поведение агитаторов, которые из одной бесконечной ненависти к отечеству навлекают на него всякие внутренние неурядицы, играя в руку англичанам, немцам и другим «прирожденным» врагам России.

В виду такого непатриотического поведения агитаторов-социалистов, самодержавие спешит проявить патриотизм собственной своей политики. В то время, как «международные агитаторы» губят отечество своей борьбой за свободное развитие отечества, «командующие классы» и их покровитель — самодержавие укрепляют силу и могущество России всеми зависящими от них средствами.

Правительство объявляет о предстоящем заключении нового заграничного займа. 393 миллиона марок (около 200 милл. рублей) ему обещали дать германские банкиры из 4<sup>0</sup>/. Заключение этого займа составляет важное событие в истории финансовой политики самодержавия. С конца 80-х годов целью этой политики было освобождение России от власти германской биржи. Пресловутый франко-русский союз, основанный на дурачении французской буржуазии, должен был послужить и действительно послужил тому, чтобы выкачивать из богатой Франции сотни миллионов на покрытие «недоборов» в доходах казны. В свое время «патриотические» газеты не находили слов для восхваления «истинно-русской» политики Вышнеградского и Витте,

которым удалось вывести Россию из того печального положения, когда, при малейшем недовольстве Бисмарка политикой русского правительства, немцы, в качестве владельцев русских государственных бумаг, производили с бедным (тогда еще бумажным) рублем такие операции, от которых вся экономическая жизнь России испытывала нечто вроде землетрясения. Под управлением Вышнеградского и Витте, говорили нам, Россия получила возможность свободно вести свою внешнюю политику, так как ее кредитор — не «прирожденный враг» Германия, но верный и покорный союзник — Франция. В случае войны с «природным врагом» России не угрожает уже банкротство.

Но хищническое хозяйство Романовых привело уже Россию в такое положение, когда и лакействующая французская буржуазия отказывается дальше ссужать своими миллионами г-на Витте. «Русские любят только занимать», говорили французы корреспонденту «Нового Времени», очень огорченному такой откровенностью наших «союзников». С большим трудом удалось г. Витте в прошлом году убедить французских банкиров содействовать новому займу в 150 милл. рублей. Чтобы размягчить толстокожего буржуа, пришлось таки пообещать показать ему в натуре чету Романовых с чадами и домочадцами. Тем не менее, несмотря на любезность царственного раз'ездного приказчика, который даже в католическую церковь сходил, заем удался далеко не блестяще. К 1 янв. 1902 г. из 150 милл. остались не подписанными целых 29 — пятая часть.

Не прошло и года, а правительство опять стало метаться в поисках новых займов. После неудачи с «дружественной» Францией пришлось, скрепя сердце, обратиться вновь к «врагу» — Германии. Пятнадцать лет «патриотической» финансовой политики пропали даром. Самодержавию труден только первый шаг: если немцы не окажутся благоразумнее французов и не задумаются над тем, что после политической революции Россия, пожалуй, не захочет признавать долгов, заключенных Романовыми в целях упрочения и х господства и ее рабства, — если немцы не закроют свой кошелек после первой подачи, Россия неизбежно будет вновь подчинена царем берлинской бирже \*.

К 1 янв. 1887 г. сумма государственных долгов России составляла 4.357 милл. руб. К 1 янв. 1902 г. эта сумма возросла до 6.498 милл. Каждый год хозяйничанья Романовых стоит России накопления долга на сумму 150 милл., каждый год управления патриотической фирмы Витте и К<sup>о</sup> означает все большее порабощение России международным финансистам.

\* Статья была уже набрана, когда появилось известие, что заем удался.

Государство, в котором ничтожная правящая клика под покровом народного бесправия расхищает народное достояние, не может не развивать в своих чиновниках стремления урвать что можно в свою личную пользу. Оптовая торговля народным достоянием, которою занимаются гг. Витте, находит свое естественное дополнение в розничной торговле, которой предаются от высшего до низшего чиновники всех ведомств.

В «Русском Инвалиде» — органе военного министерства, сообщено, что служащий в штабе Варшавского военного округа подполковник Гримм арестован за «преступления по должности» и сознался в своей вине. О характере преступления подп. Гримма ничего не говорится и не будет сказано. Только шум, поднятый заграничной печатью по поводу этого дела, вынудил правительство напечатать свое коротенькое сообщение. Дальнейших подробностей об этом скандальном деле публика не дожидается: этого рода дела правительство всегда окружает сугубым покровом тайны. В чем же дело?

Подполковник Гримм, занимая видную должность в штабе Варшавского округа, систематически продавал австрийскому правительству планы мобилизации русского военного министерства, равно как и планы нашего «союзника» — Франции. Иностранные газеты сообщают, что свою торговлю Гримм вел в соучастии с многими офицерами, в том числе и с некоторыми, занимающими очень высокие посты (в числе других называют и начальника округа ген. Пузыревского). Верны или нет эти слухи, несомненно остается одно: это грязное дело ни в коем случае не будет раскрыто во всех подробностях, ибо его расследование будет производиться в том духе, в каком у нас ведутся все дела о «преступлениях по должности». В ведомстве, в котором казнокрадство, взяточничество и протекция процветают в наши дни так же пышно, как и в эпоху Николая I, при отсутствии независимого суда и свободной печати, новое дело о государственной измене окончится осуждением и устранением нескольких мелких сошек и обелением главных преступников. Более «невинные» дела недавнего времени, вроде южных процессов о хищении во флоте (см. корресп. в № 16), показали, чего можно ожидать от военного «правосудия» в современной России. И, выплачивая 300 милл. в год на дело «обороны государства», мы не только должны быть уверенными, что при всех перевооружениях, при всех поставках и подрядах громадная доля этих денег оседает в карманах высших офицеров; мы не только должны ожидать, что в случае войны солдаты, как и в 1855 и в 1877 г.г., окажутся снабженными гнилой обувью и забракованными ружьями; мы не только должны быть уверены, что громкие скандалы недавней Китайской экспедиции повторятся в крупнейших размерах; нет, мы еще должны опасаться, что планы наших командиров окажутся заранее запроданными неприятелям.

Русская публика еще недавно проявила самый горячий интерес к делу Дрейфуса, в котором обнаружили все язвы так называемой «разведочной службы» — этого специального учреждения для шпионства за иностранными государствами, которое во Франции оказалось в руках лиц, продающихся этим самым государствам. Русская публика сочувствовала стремлениям честных французов добиться очистки своего военного министерства, разоблачения всех скрытых в нем преступлений против отечества. Пусть же

подумает русская публика, какие залежи однородных преступлений должны быть скрыты в канцеляриях русского военного ведомства, огражденного от гласности и общественного контроля всем нашим государственным строем?

Пусть подумает также публика о том, как общий строй нашей страны должен отражаться на «патриотическом» настроении офицеров. Может ли требовать от офицера честного исполнения служебного долга та правительственная, которого «царственный вождь» нагло заявляет, что из всех родов военного оружия ему милее... жандармский и что «отныне тесный союз, установившийся между мною и корпусом жандармов, будет крепнуть все более и более»? Если верховный вождь русской армии публично изъясняется в любви к тому отбросу общества, с которым самый жалкий офицер считает недостойным вести знакомство, то какие понятия о «чести» могут удержать «благонамеренного» чиновника в военном мундире от искушения войти в сделку с чужим правительством (если оно лучше платит)?

Подполковник Гримм продавал интересы русского государства иностранной державе. За это он будет наказан. Одновременно с открытием его преступления на другой окраине — в Батуме — власти послали военный отряд ограждать интересы иностранного капиталиста — Ротшильда — против русских рабочих.

Правительственное сообщение о батумских событиях заявляет, что рабочие завода Ротшильда устроили мирную стачку. Вопреки закону, так называемые «вожаки» были арестованы, и для охраны их поставлен военный караул. На требование рабочих об освобождении арестованных власти отвечают новыми арестами. Раздраженные рабочие бросаются к тюрьме, происходит столкновение, и солдаты стреляют. Правительство утверждает, что солдаты защищались от нападения. Насколько можно верить этому утверждению, видно из подсчета жертв: ранен один солдат и убито тринадцать рабочих. Уже давно в России не производилось такой бойни при «водворении порядка» среди рабочих. И, словно в насмешку, эта кровавая жертва принесена русским войском на алтарь барышей иностранного капиталиста, принадлежащего, если не ошибаемся, к той нации, которая, по словам наших «патриотов», есть «прирожденный враг России» (Англия)!

У себя в Англии или вообще в Западн. Европе г-н Ротшильд, в случае стачки рабочих его завода, не имел бы удовольствия видеть руководителей движения немедленно арестованными... Но если русское правительство систематически воспитывает свое войско в убийстве русских рабочих в интересах международного капитала, то что ж удивительного, что международному капиталу удастся покупать совесть прошедших эту школу полковников Гриммов и находить изменников среди отличных начальством офицеров?

Армия, воспитанная в постоянной вооруженной защите интересов кучки богачей и царедворцев против миллионов народа, не может не таить в себе политического развращения, не может не превращаться в корпорацию честолюбцев, не продающихся на сторону только до тех пор, пока свой повелитель оплачивает их верность в меру их аппетитов. Офицерство, из которого систематически изгоняют все свободолюбивые элементы, должно стать сбродом содержимых на счет народа бандитов.

«Патриотизму» правящей шайки, убивающей рабочих ради сохранения барышей Ротшильда, отдающей тем же Ротшильдам в виде процентов на займы распоряжение продуктами труда будущих поколений русского народа и прикрывающей государственную измену, свившую себе гнездо среди его доверенных агентов, этому патриотизму самодержавия мы, «международные» агитаторы, мы, русские представители международной социал-демократии, противопоставляем стремление к избавлению родины от развращающего ее политического строя, сделавшего ее в глазах цивилизованного мира «пятном невежества на карте Европы», стремление вывести ее на путь свободного развития и завоевать русскому народу уважение передового человечества.

[Л. Мартон]

ИЗ

# НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

## Демонстрация в Петербурге 3 марта.

Петербургский Комитет Партии и студенческие организации назначили демонстрацию на 3 марта. Прокламация, призывающая явиться на демонстрацию, была распространена Комитетом в 8.000 экземплярах.

К 12 ч. утра тротуары Невского на протяжении от Аничкова до Полицейского моста были запружены публикой, по преимуществу рабочей (студентов было очень мало). По середине проспекта раз'езжали на расстоянии нескольких шагов отряды жандармов и конных городских, была масса пеших городских, дворников и сыщиков. Войск совершенно не было, но, по словам офицеров, они стояли наготове в казармах.

В 20 минут первого вдруг у Гостиного двора послышались крики «ура», и многочисленная публика и полиция сразу хлынула по направлению к крикам, где на несколько минут показалось знаям, но было тотчас сорвано полицией, слышались вопли и крики, и видно было, как шашки жандармов и нагайки городских то подымались то опускались. Арестованных и избитых отправили в один из дворов на Невском, а публика, которая сплошь загрозила Невский, была отсечена в боковые улицы. В этот момент по совершенно очищенному от публики Невскому проехал победоносно Клейгельс. Затем публику стали опять пускать, и тротуары скоро снова заполнились публикой. Опять стали выделяться отдельные кучки и с криком «ура!», «долгой самодержавие!» подымали знаям, но полиция скоро его срывала, а участников избивала и арестовывала. Удачна была, собственно, одна попытка более долго продержать знаям, это было на площадке перед думой, где рабочие, благодаря хорошей позиции, могли держаться долго. Полиция окружала публику и, прижав ее к стене домов, избивала. Особенно страдали от побоев студенты, которые представляли для полиции особенно притягательную силу. Раненых и избитых очень много. Есть в военном госпитале академии медик с отрезанным ухом, горяк с отбитым кончиком носа, с ранами головы и лица. Рабочие вооруженного сопротивления не оказывали, публика же, число которой к 2 часам значительно увеличилось, благодаря гуляющей «чистой публике», относилась в общем мало активно и больше любопытствовала. На знаменах были надписи: «долгой самодержавие», «свобода», «свобода печати», «свобода слова» и т. д. Рабочие очень довольны этой демонстрацией; продолжалась она до 4 час. Арестовано около 500 человек.

Другой корреспондент сообщает:

«В публике студентов почти не было, ибо накануне полиция произвела тщательную очистку Питера от неблагонадежного элемента. Без обысков, без арестов — просто призывали в охранку и просили убираться по-доброму, по-здорову. В предупреждение демонстрации полиция при-

нимала и еще кой-какие меры, напр., обращалась с просьбой к рабочим на фабриках не ходить на демонстрацию, обещая оцепить все рабочие кварталы и приставить к каждой фабрике стражу. Рабочие, в свою очередь, решили во что бы то ни стало устроить демонстрацию, хотя бы даже для этой цели пришлось где-нибудь провести ночь под открытым небом. Как бы то ни было (полиция, кстати сказать, своих угроз относительно изолирования рабочих не привела в исполнение), но демонстрация состоялась. В середине толпы было поднято знамя с надписью „свобода“ и вслед затем раздался клич: „Долой самодержавие!“. Вышло довольно внушительно. Знамя держал студент, а вокруг него плотной стеной стояла толпа рабочих. Армия полицейских и дворников стремительно набросилась на центр демонстрантов, где развевалось знамя. Получилась обычная картина побоища, с той только разницей, что натиск полиции был встречен некоторым сопротивлением и свалка продолжалась минут около 15, в продолжение которых знамя продолжало развеваться, и крики „долой самодержавие“ не смолкали. Наконец, полиция добралась до знамени, какой-то городской успел выхватить его из рук державшего его студента, завертел на руках и поспешно удалился из опасного места с добычей. Затем энергичным натиском весь этот центр демонстрантов приперли к Гостинному двору, втиснули во двор и заперли. После этого конной полиции ничего не стоило рассеять остальную толпу. Говорят, что на демонстрации участвовало больше народу, чем в прошлом году 4 марта на Казанской площади.

«Хотя демонстрация и не так удалась, как этого хотелось бы, тем не менее революционный дух у рабочих не только не упал, а еще более окреп. Утверждают, что почва для новой демонстрации хоть сейчас готова».

(Из частного письма). «Уже к 11 часам утра 3 марта Невский представлял необычайную в праздничный день картину. Вместо обычной нарядной толпы, преобладающим элементом были рабочие, которые, опасаясь быть задержанными, в большинстве случаев со 2-го на 3-е оставались ночевать в городе у кого-нибудь из своих знакомых. В толпе господствовало напряженное состояние — все чего-то ждали. В 12 час. публики уже было столько, что она не помещалась на панелях, и многие шли по дороге, а между тем народу все прибывало и прибывало. Наибольшее скопление было между Казанской ул. и Фонтанкой. В половине 1-го из толпы, находившейся между церковью св. Екатерины и Михайловской улицей, раздалось пение марсельезы и поднялся красный флаг. Многие из находящихся на противоположной стороне побежали к демонстрантам, но свободный доступ к ним продолжался всего несколько мгновений. С необыкновенной быстротой выскочили с одного из дворов конные, с обнизанными саблями, жандармы и с криком „расходитесь“ окружили всех находящихся на панели. В то же время пешие городовые, под начальством пристава, врезались в толпу и очень быстро отняли у рабочего флаг (предварительно избив этого рабочего). Той же участи подвергся и студент, выкинувший другой красный флаг. Скоро часть публики в этом месте была арестована, а большинство было оттиснуто в Михайловскую улицу. Вслед за этим прекратилось конное движение по Невскому. Все перпендикулярные Невскому улицы, вплоть до Фонтанки, были преграждены: стояли загородки также и на Аничковом мосту, при чем извозчикам и пешим можно было только двигаться с Невского, но на Невский никого не пускали. Так длилось 2—2½ часа. В это время на Невском было выкинуто еще несколько флагов, при чем один, с надписью „долгой самодержавие“, несколько времени поддерживался толпой, которая подхватывала его, когда рабочих, выкинувший этот флаг, был схвачен. Всех арестованных отводили в Гостиный двор; там они некоторое время были заперты. Начали развозить их по частям часов с 3-х. Преобладающим элементом между арестованными были рабочие».

Из листов Организационного Комитета студентов университета заимствуем следующие описания демонстраций, сделанные очевидцами:

І. «Я стоял на Казанском мосту в то время, как у Гостиного двора слышались возгласы „долой самодержавие!“, „да здравствует политическая свобода!“. Туда по-

вие!“, „да здравствует политическая свобода!“. Туда полетели жандармы и стали бить толпу обнаженными шашками по чем попало. Зрелище было ужасное. Галопом несущиеся лошади, зверские физиономии солдат, бряцание оружия — одно это уже нагоняло ужас на публику. Мы добежали до Михайловской площади, тут нас погнали назад мчавшиеся обратно от Гостиного двора жандармы. Воздух попрежнему оглашался революционными криками. Толпа старалась проскользнуть между галопом скакавшими лошадьми. Большинство было загнано на площадь перед католическим костелом; ворота во двор костела оказались запертыми. Публика прижималась к стене и старалась лавировать между размахиваемыми по воздуху шашками. В это время напротив у Милутиных рядов, конные жандармы и пешие городовые окружили прижавшуюся к стене толпу и избивали ее шашками и кулаками. Было видно, как вырывались оттуда отдельные лица, окровавленные, без шапок, с растерзанной одеждой. Я переместился на ту сторону, полиция погнала нас по направлению к Гостиному двору. Здесь под арками скопилась масса народу; на углу у часовенки дворники беспощадно колоутили студентов. Конные городовые стали напирать сзади; толпа побежала под аркой; давка была страшная, слышались возгласы, крики „не давите“ и т. д. Мне удалось перебраться на тротуар перед Гостиным. Здесь было свободнее, и публика хлынула сюда, но ее снова погнали, и, наконец, мы очутились на углу Садовой. Здесь пешая полиция приготавливалась оцеплять толпу. Сначала она загнала большинство за кордон на Садовую и уже больше не пускала на Невский, а потом из оставшихся вырвала без всякого основания группу в 30 человек и арестовала ее. Потом я старался проникнуть на Невский, но все прилегающие улицы были загорожены дворниками и городскими, так что даже на извозчиках нельзя было проехать. По Невскому также прекратили всякое движение.

II. Показание студента университета: «Я очутился в отряде возле Думы. Студент-технолог наверху лестницы, ведущей в „Общество Взаимн. Кредита“, развернул красный флаг, призывая публику толпиться. Раздались крики: „долой самодержавие“ и пр. Жандармерия бросилась по лестнице за красным флагом, который был сброшен вниз. Какой-то жандармский офицер бросился за ним, но был сильно избит публикой, преимущественно студентами. В этот момент устремилась конная жандармерия с обнаженными саблями, ударяя таковыми публику по голове. Было много сильно окровавленных. Через несколько времени этот отряд, привлеченный криками „да здравствует свобода“ на другом конце, быстро удалился, но ему на смену явился новый эскадрон конных жандармов, доканчивавший избивание нагайками. Опрокинутый на землю сильным пинком в спину, я едва мог подняться. Придя в себя, я увидел коллегу, сильно избитого и не отдающего себе, очевидно, отчета во всем происходившем. Доведя его до извозчика, я отвез его домой, а потом и сам приехал домой. Из расспросов я узнал, что коллега был избит двумя жандармами за то, что вступился за двух курсистов. На лице его остался шрам с кровавыми подтеками от удара нагайки. Собственные впечатления. Не могу дать сведений относительно бойни самой жаркой — около Думы — туда, как я видел, понеслись с обнаженными шашками и конные жандармы, опишу лишь несколько сцен дальнейшего избивания публики. Отряд жандармов, под начальством молодого офицера, вернувшись с главного места побоища, прогнал меня вместе с толпой с Невского на Мал. Конюшенную. На углу здания зубодробительной школы офицер этот отдавал приказания бить отдельных лиц. „Вот этого студента ударь“, — командовал он. „Удары“ сыпались на несчастного... Заметив какого-то волеопределяющего здесь же на панели, офицер за шиворот вытащил его из толпы и с криком: „Вон отсюда, тебе здесь не место“, поволок к постовому городскому, дав ему тумака в шею и сбив шапку. Дальше, по Мал. Конюшенной нас гнали пешие и частью конные городовые, сравнительно мирно, за исключением некоторых возмутительных сцен. Но когда мы по Шведскому пер. выбрались на Больш. Конюшенную, то там вновь нас встретил тот же жандармский отряд с тем же молодым офицером; прогоняя нас вглубь улицы за придворные конюшни, отряд этот вдруг бросился на нас, везжая галопом на па-

нель и избивая людей направо и налево. Это было далеко от Невского, народ двигался маленькими кучками по панелям, и жандармы, бывшие раньше сзади, разделились по одному и друг за другом скакали вдоль панелей, прижимали публику к стене, и тут доставалось буквально всем; мне известна сцена, когда кучка людей, напирая на запертые ворота, выломала их. За этими воротами оказались другие — железные, тоже запертые; и вот в таком углублении работали два жандарма; избивали дворника, били женщин и опрокидывали в какой-то подвал; тут же попало офицеру, уткнувшемуся лицом в угол, и несколькими штатским».

III. «Я был свидетелем следующего возмутительного зверства: на крики „да здравствует свобода“, раздавшиеся около Думы, туда бросился взвод конных жандармов с шашками наголо. Окружив демонстрантов плотным кольцом, они начали буквально месить публику. Спасались только те, которые проскальзывали между ног лошадей. Студент университета, с окровавленной головой, без шапки, инстинктивно закрываясь башлыком от сыпавшихся на него ударов, проскочивши меж ног лошадей, бросился на другую сторону Невского. Один из жандармов бросился за ним и начал бить его по голове нагайкой. Я поспешил к нему на помощь, и он, весь окровавленный, без чувств упал ко мне на руки. При помощи подоспевшей публики он был отнесен в аптеку. Владельцы магазинов в Гостином дворе все рассказывают, что забранные на демонстрации и уведенные внутрь Гостиного двора подвергались там жесточайшему избиению со стороны дворников и полиции. Один из сторожей, между прочим, рассказывал, как он сам слышал приказ пристава дворникам: „Толпы не бейте, а выхватывайте отдельных студентов и колотите изо всех сил“, что было и исполнено. Со слов двух гостинодворских приказчиков, очевидцев возмутительных насилий 3 марта, привожу следующее: к помощнику градоначальника г. Фриту, стоявшему у Гостиного двора, два дворника подвели одного студента-путейца, при чем продолжали жестоко бить его; это зрелище грубого возмутительного насилия повлияло даже на Фрита: „Господа! будет“, — сказал он. На это один из дворников, ухмыляясь ответил: „Ничего, ваше превосходительство еще выдержит!“. Избиение, кроме Невского, происходило еще на Большой Итальянской и на Мойке по направлению к Гороховой».

В заключение приведем разговор, слышанный случайно в бакалейной лавке, характеризующий настроение, вызываемое в обывателях последними событиями:

Молодой человек (по виду приказчик или мелкий торговец):

«Собрались в трех местах: у Казанского собора, на Семеновском плацу и у Николаевского вокзала. У Казанского собора нанятый 13-летний мальчик выкинул красное знамя, но оно развевалось так, что нельзя было прочесть надписи. Я иду по Невскому, гляжу: стоит брат (околоточный). „Ты что здесь?“. „Да я в наряде, посмотри, что на дворах-то сколько набито везде полиции — бунт“. Не простояли мы и полчаса, как студентов набралась большая толпа, и, откуда что взялось, гляжу — выкинули красное знамя на длинном шесте, и как это им удалось пронести незаметно длинный шест этот? Когда собралась толпа, студенты стали бросать кучками в публику свои рекламмы. „А что написано в этих рекламмах—вот бы почитать-то?“ — спросил хозяин лавки, толстый седой старик. Написано: „Свобода и воля“. „Да ведь это одно только название у них, а что еще-то прописано там?“. „Только эти два слова „свобода и воля“ и больше ничего“. „Верно, — замечает старик, больше им ничего и не надо, ведь они требуют свободы печати, чтобы обо всем можно было в газетах писать, а то у нас ведь ничего не позволяют ни говорить, ни писать, полиция, что бы ни сделала, всегда будет права“. „Да, знаешь, что полиция говорит, — сказал молодой субъект, очевидно, близкий знакомый старика, — полиция говорит: мы что хотим, то и сделаем и не ответим“. „Ну, да ведь придет время, что полиции трудно будет справиться, та же полиция теперь говорит, что эти бунты дают большой толчок вперед силе студентов и что теперь все труднее и труднее усмирять бунтующих, потому что их число растет и к студентам присоединяется публика. Да и

в самом деле, посмотрим, что у нас делается, кто что хочет, тот то и делает: чорт чорта тешит". „Конечно, — замечает старик, — мужика, нашего брата купца или еще кого можно обидеть, ну уж, а его превосходительство — не тронь!" ... „Посмотрите на наших министров, — говорит, раздражаясь все более, молодой собеседник, — ведь они делают, что хотят, сидят какой-нибудь немец и хозяйничает, и распоряжается как своим имуществом, и никто не смеет ничего сказать про это. На два миллиона делают заказы за границей, а наши рабочие сидят без заработка и молчать должны! Самые лучшие участки земли в Сибири нарезали дворянам, а мужик, приезжающий туда, остается ни с чем и должен снова голодать, хотел поправиться и попал в нищету! На что это похоже? Ведь стоит студентам спуститься к низшим людям, мужикам, тогда все вместе сильнее будут. Ведь мужику-то куда как трудно жить!" ... „Да, а кому не трудно?" ... „Конечно, что может сделать толпа в 500—600 человек, когда против них выходит не одна тысяча полиции и дворников, сейчас же разогнали всех, так и не удалось им, как следует, обнародовать то, что хотели! Арестованных много — 200—300, а то и больше, много было и женского элемента — курсисток; но ведь все они знали, что их арестуют, что посадят в тюрьму и накажут, все знали и все-таки пошли, а пошли они требовать того, что считали нужным! И еще найдутся такие".

«Ведь вот об этом ничего не пишут, а почитать бы, что за границей пишут про нас!» — воскликнул оживленно старик. „Да, — продолжает другой, — этого не затушишь, теперь вон и гимназисты и те кое-где не учатся, и их исключают, потому что нельзя им иначе делать, как я сам недавно слышал в Воронеже от гимназиста, которого исключили".

Так говорят среди мелкой буржуазии, а вот какие речи слышны на самых низах «черного народа»:

Едет интеллигент и вызывает на разговор извозчика:

— Что это такое делается на Невском?

— Известно что, — спокойно отвечает извозчик, — бунтуют, вот что.

— Как так бунтуют? Чего же они бунтуют?

— Правов хотят, потому, значит, и бунтуют. Теперь скоро станут все бунтовать, всем надо право в... А то, вишь ты, все эти самые немцы (?) и жида (?) никому житья не дают — ни нашему, ни вашему брату.

— Какие немцы и жида?

— Известно какие: царские министры, чтоб им...

Легенда о «немцах» и «жидах» говорит о довольно таки самобытных путях, которыми «черный народ» добивается до идеи о «правах». Во всяком случае, несомненно, что повсеместные демонстрации повсюду заронили эту идею.

Бутырская пересыльная тюрьма (письмо курсистки).

Приводим живое и интересное описание февральских событий в Москве, сделанное одной из участниц сходки 9 февраля.

«Исполнительный Комитет решил придерживаться в своих действиях 9 февр. следующей программы: воспользоваться разрешенной начальством сходкой для того, чтобы собрать на нее побольше студентов, курсисток и интеллигенции. По окончании сходки выйти из университета со знаменами и революционными песнями, соединиться с рабочими, которые должны были собраться в Александровском саду и его окрестностях и общей толпой демонстративно пройти по главным улицам Москвы, придерживаясь относительно полиции такой тактики: где можно отражать ее нападения силой, а где нельзя, разбегаться перед натиском, но сейчас же собираться снова в другом месте. Великолепная организация полиции расстроила исполнение этого плана, а подлость ректора, давшего слово не пускать полицию в стены университета и не исполнителя этого слова, устроила нам в университете ловушку. Последняя надежда на рабочих также рухнула, когда оказалось, что 10 фабрик оцеплены войсками и объявлены на военном положении.

«В 12 ч. дня в университете была назначена официально разрешенная начальством сходка. Уже около 10 час. на Моховой толпились студенты, курсистки и посторонняя публика; здесь же был выстроен отряд полицейских. К 12 ч. около 600 человек вошло в актовый зал университета, собранию было объявлено, что программа Исполнительного Комитета чисто политическая. Против этой программы восстала группа так называемых академистов (70 чел.). Дебаты были страстные, и, когда оказалось, что большинство на стороне политиков, академики торжественно вышли из зала (в их числе 2 женщины). Потом узнали, что их сейчас же забрали сначала в манеж, а потом препроводили в Бутырки. В самый разгар дебатов на кафедре взошла представительница соединенной организации всех женских курсов, и в первый раз со времени основания университета в стенах его раздался голос женщины, вышедшей наравне с мужчиной на борьбу за свободу. Вот приблизительные ее слова: „Я удивляюсь тому, что могут еще возникать споры по поводу программы, которую мы должны выставить. Кажется, этот вопрос давно уже и бесспорно решен. По крайней мере, мы, женщины, принимаем только политическую программу и готовы на все, чтобы добиться ее осуществления"... После этих слов дебаты прекратились. Потом стали обсуждать тактику. Оказалось, что предположенной демонстрации устроить нельзя, потому что университет, Моховая, Никитская и ближайшие переулки оцеплены войсками. Решили отсиживаться в университете до следующего дня, т. е. воскресенья, надеясь что в праздник выйдут в Москву рабочие и, устроив около университета демонстрацию, помогут нам присоединиться к ним. Забаррикадовали все выходные двери, а около главного входа поставили караул. Где-то раздобыли хлеба и колбасы, но в таком ограниченном количестве, что многие остались не евши. Молодежь устроила хор, и звуки марсельезы, варшавянки и др. огласили старые стены. В 6 час. вечера была вторично созвана сходка и были прочтены принятые утренней сходкой постановления. Требования следующие: свобода и неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода вероисповеданий, свобода сходов, ассоциаций и организаций, допущение в университет всех без различия пола и религии, желательность и своевременность созыва Учредительного Собрания. Потом началось обсуждение настоящего положения дела. Прошел слух, что в университет в 8 час. явятся войска. Горячие головы предложили бороться (несколько человек были вооружены кое-каким довольно жалким оружием) с военной силой, но их предложение было отвергнуто большинством во избежание совершенно бесполезной для дела и бесцельной бойни. Порешили не уходить добровольно, но подчиниться лишь силе. Нервы у всех были страшно напряжены, и старались чем-нибудь заглушить все возрастающую тревогу. Опять пели и внизу, и в зале, и на дворе, пели хором и соло, кто-то рассказывал горбуновские сценки, кто-то раздобыл у сторожа самовар и устроил чаепитие. Наконец, стали затихать. У нас большинство дремало, сидя на стульях, а несколько человек улеглись на столе. Около 3 часов ночи раздался крик: „Товарищи, войска идут". Мгновенно все были у окон и увидели такую картину: во двор университета входили и размещались пожарные с факелами, казаки верхом, масса полицейских и Невский пехотный полк. Как ни было серьезно наше положение, большинство стало смеяться. Право, можно было подумать, что в университете сидит не 507 человек (из которых 73 женщины) пылких, самоотверженных, но беззащитных людей, а могучая, разбойничья шайка, с которой придется выдержать целое сражение. В университет вошел пристав и потребовал от караульных, чтобы университет был очищен, — ему отвечали отказом. Тогда он объявил, что дает ½ часа на обсуждение, а через ½ часа возьмет университет приступом. Действительно, через ½ часа раздалось гиканье казаков, и наверх ворвались пожарные и пехотинцы со штыками наперевес. На пороге они остановились в удивлении, и штыки сами собой поднялись вверх. В первом ряду злодеев, на которых их направили, они увидели совершенно спокойные, хотя и страшно бледные, женские лица. В 5 минут все было кончено: пожарные с факелами вскочили на столы, казак

кольцом окружили всех и вывели сначала на двор университета, а потом в манеж. Итти пришлось между двойными рядами конных казаков и пехоты. Войскам пришлось вынести много оскорблений, но они вели себя сравнительно сдержанно, и нагайка взвилась только раз, когда студент сбил фуражку у пристава. Молоденький офицер Невского полка стоял белый, как мел, а ему в упор бросали: „Стыдно, на своих идете!“. Казаки поголовно были пьяны и позволяли себе грубые, даже циничские замечания, также и полиция, но лица пехотинцев были серьезны, даже грустны. Когда все вышли из университета, то, несмотря на протесты полиции, грянула такая марсельеза, которая должна была бы разбудить всех мирных московских обывателей, если бы сон их не был так глубок и крепок. В манеже всех переписали и небольшими партиями отправили в тюрьму. Женщины шли также между двойным рядом казаков и пехоты, в сопровождении 2 офицеров. Шли часа 2, и уже почти рассвело, когда мрачные стены Бутырской тюрьмы открылись перед нами. Камера, отведенная нам, громадная, грязная, деревянные кровати с миллиардами клопов и грязными, набитыми соломой, матрацами и подушками. Еда — помой. Теперь, впрочем, к нам приходит каждый день торговка, у которой можно достать все необходимое, передают вещи, присылаемые из дому, некоторым разрешают свидания. Вообще, тюрьма оказалась совсем не такой ужасной, какой мы себе ее представляли по романам Достоевского и очеркам Мельшина. Думая, что нас продержат здесь не мало времени, мы стараемся устроиться поудобнее и главное, извлечь из нашего здесь пребывания побольше пользы. В Бутырках содержится более 2.000 чел. студентов, курсисток и др. политических (есть рабочие, высылаемые в Сибирь). У нас в тюрьме издаются 3 газеты (2 у студентов и 1 у курсисток), устраиваются литературно-музыкальные вечера для арестантов и арестанток соседних камер. Мы забрали к себе детишек арестантов, и они проводят почти целый день в нашей камере. Семи-и восьмилетние карапузы уже бойко распевают марсельезу и дубинушку. Вообще, в тюрьме небывалое оживление. Во время наших прогулок все окна заняты зрителями-арестантами, которые перебили все стекла, чтобы лучше слышать наше пение. Вчера все были особенно взволнованы привозом в Бутырки известного Тригопи, одного из деятелей 1 марта. Он 20 лет провел в Шлиссельбурге и теперь пересылается на Сахалин. Начальство тюремное относится к нам хорошо, а конвойные так иногда увлекаются, что начинают подтягивать варшавянку. Я уверена, что по городу ходят самые невероятные слухи обо всем происшедшем, и мое письмо может служить фактическим опровержением нелепых и грязных выдумок. Утверждаю, что поведение студентов и курсисток было безукоризненно корректно. Все разговоры, песни и споры носили совершенно особый характер и касались только злобы дня. Быть может, в нашем движении было много незрелости, неумения (напр., Исполнительный Комитет не был своевременно осведомлен о том, что фабрики оцеплены), но оно, т. е. это движение, собрало не увлекающихся или любопытных, а людей, глубоко убежденных в святости и правоте дела, за которое они борются, и которые не могли не итти хотя бы и на верную гибель. В университете никаких особенных беспорядков произведено не было. Правда, зеленые первокурсники поломали ящики и разорвали вынутые оттуда гимназические характеристики, поломали несколько дверей, разлили воду и рассыпали уголь, когда ставили самовар, вообще было много грязи и сора, неизбежных при толпе в 500 человек, но храм науки осквернен был только казаками, осмелившимися ворваться в него со своими позорными нагайками. У нас получены с воли достоверные сведения от родственника одного из офицеров, бывшего в наряде в ночь с 9—10 февр., что несколькими казаками было приказано остаться в университете после вывода из него студентов и произвести там всяческие безобразия (говорят, оторвана голова у царского портрета) с целью свалить потом все на демонстрантов и подорвать этим сочувствие в публике. Зубатов, придумавший такую штуку, показал и на сей раз, что он очень умен и большой знаток психологии толпы. Настроение у большинства и теперь страшно нервное, но бодрое, полное подема всех ду-

шевных сил. Говорят, что нас сошлют в Сибирь, — ну, что же, люди живут и в Сибири.

«Среди нас находится несколько женщин, взятых прямо с улицы. Многие из них даже и не знали о сходке, но их грубо схватили и засадили сначала в манеж, а потом в Бутырки, где они пребывают уже более недели. Две из них совсем больные (одна — эпилептичка, 17-летний ребенок). Не возмутительно ли это? Можно ли жить в стране такого произвола над личностью? Что же делается в Белокаменной? Неужели, она не проснется, не встанет грозной, могучей силой на защиту своих детей?

«Верить этому не хочется. Всех женщин в Бутырках — 86. Педагогичек — 25. С Екатерининских курсов — 31. Акушерок-массаж. — 6. С курсов Герье — 11. Взятых на улице — 13».

Всех не сослать! — Массовая фабрикация революционеров. Правительственное сообщение поведало России о новой массовой расправе с «внутренними врагами». Речь идет об участниках московских волнений. 668 лиц — участников сходки 9 февраля и подозреваемых ее подготовителей — предположено было сослать административно, но царь счел достаточным сослать в Вост. Сибирь на срок от 2 до 5 лет только (!) 95 человек из организаторов и просто неблагонадежных лиц. 567 лиц будут подвергнуты тюремному заключению от 3 до 6 месяцев, шестеро отдано под надзор полиции.

Правительство рассказывает о политическом характере, который приняли студенческие беспорядки, и о тесной связи, в которую студенты вступили с «существующими революционными кружками» и с рабочими. Ссылая 100 человек, правительство объясняет, что оно хочет поставить их в условия, наименее благоприятные для революционного воздействия на окружающую среду. Оно только забывает, что применяемое им средство уже неоднократно приводило к еще более нежелательным для него последствиям. Часть ссылаемых юношей может быть, вернется разбитыми людьми, но сильнейшая часть возвратится к нам уже готовыми, зрелыми революционерами.

Правительство напрасно только умалчивает о другой цели своего решения, ради которой оно и опубликовало — против обыкновения — «приговор», вынесенный в административном порядке. Эта цель — устрашение. Но после того, как угроза солдатчины ничего не сделала, что может сделать применение (хотя бы и массовое!) старого средства, — столь знакомой русской интеллигенции Сибири?

Разумеется, расправа с москвичами — только первая проба, за которой следуют уже другие. Нам пишут, что 9 марта в Петерб. пересыльн. тюрьме объявлен «приговор» следующим лицам, взятым в феврале, т. е. до демонстраций:

Студ. унив-та: Соколов, Корндорф, Дыбовский, Аблов; технолог. Овечкин и горн. студ. Плеханов — в Ирк. ген-губ. на 3 года, студ. Унив. Шехтер, Александров, Григорьев, Воскресенский — на 3 года в Степное ген-губ.; студ. унив. Тагеев — в Новый Маргелан на 3 г.

Технолог. Замираев на 2 г. в Астраханск. губ., техн. Красноухов на 2 г. в Баку и унив. Аполлонов на 2 г. в Оренбург.

Технологи Залевский и Семенов на 1 г. под надзор полиции.

Р. С. Повидимому, в виде ответа на правительственное сообщение последовал 19 марта неудачный выстрел Евгении Алекс. Алларт в московск. обер-полицейстера Трепова.

Из Дерпта (Юрьева) пишут:

«19 февраля была в университете сходка в 320 человек, единогласно постановили — сходку и obstruction. Достижение академической свободы признано невозможным при существующем политическом режиме; выражено глубокое возмущение и негодование чиновно-полицейским произволом, неизбежно связанным с существующим политическим строем России. В заключение был поставлен во-

прос о демонстрации; за нее высказалось только человек 40—50. Но когда по выходе из физиологического института демонстранты с пением марсельезы тронулись к главному зданию ун-та, то за ними последовало около половины участников сходки. Остановились с пением перед ун-том и хотели итти срыгать лекции, но оказалось, что ни одной не читается. Тогда с пением двинулись на Рыцарскую; там был поднят красный флаг, вокруг которого и сгруппировалась главная группа демонстрантов. Публики собралась масса. Рыцарская и некоторые близлежащие улицы и площадь были заняты публикой; но от демонстрантов, которых к концу осталось не более 60 человек, держались в отдалении. От Рыцарской пошли на Петербургскую, на Каменном мосту остановились; делались возгласы: „Мы боремся за политическую свободу, свободу слова, совести, печати, собраний, союзов, право петиций и т. д. — да здравствует конституция, земский собор“ — покрывавшиеся дружным „ура“ и аплодисментами; „анафема царизму!“.

«На углу Петербургской и Ратушной демонстранты рассеялись. Полиция бездействовала и отсутствовала. Переполюх в городе страшный. 20-го по всему фронту применялась в ун-те обструкция. С 9 час. утра до 6 веч. все лекции сорваны, количество обструкционистов не превышало 100. Университет не закрыт. Профессор Пассек предлагал своим слушателям услуги по части организации их для борьбы с обструкционистами. Реакционеры собираются бить обструкционистов.

«21-го в актовом зале собралась масса публики по случаю чествования Гоголя. Ждали скандала; ректор и инспектор сильно волновались. Масса педелей, переодетые жандармы, сыщики, были и в студенческих сюртуках... Все же успокоились, публика пришла в разочарование, — никакого скандала во время торжества не было, мирно слушали доклады, аплодировали и изредка чуть-чуть шикали.

«Но лишь только замолкли аплодисменты после речи Чижа (последний доклад), раздался резкий голос: „Проклятие гасителям свободного слова и литературы“ — бурные аплодисменты. „Требуем свободы печати, свободы слова, свободы организаций и т. д.“, а затем стройное пение марсельезы. Сверху сыпали прокламации и бюллетени „Союз. Сов.“. С пением прошли через университет и остановились перед главным входом. Здесь возгласы и пение; затем прошли по Ивановской ул. и к Ратуше с пением. По дороге останавливались для возгласов. Слушатели удивлялись стройности и силе пения. Остановились перед Ратушею; снова возгласы. Моментально собралась невиданная для Дерпта толпа, всего на площади и прилегающих улицах было не менее 5.000 человек. Кое-кто из публики присоединился к демонстрантам. От Ратуши рассеялись в толпу, которая все росла. Где-то раздалась военная музыка, и демонстранты снова собрались в кучку и запели. Но солдаты не появились. Полиция предупредительно исчезла перед демонстрантами. Полное бездействие властей. Очевидно, за неимением казаков и конной полиции боялись усмирять пешей полицией и солдатами. Возможно, что демонстранты одержали бы верх: между ними были вооруженные.

«Пока не было ни арестов ни высылки. Мирный Дерпт страшно взволнован. Полиция потеряла голову. Ждут скоро 3-ей демонстрации, пока еще не высланы горячие головы.

«Реакционеры страшно возмущаются полицией за бездействие. В понедельник предполагается самая отчаянная обструкция; говорят, что университет должен быть закрыт непременно. В ветеринарном инст. была 19-го сходка и применялась обструкция. Кое-кто принимал участие и в демонстрациях».

В настоящее время Дерптский университет уже закрыт.

Р и г а. 24 февраля и 6 марта в здешнем русском театре были разбросаны прокламации «К обществу», изданные «Рижским Комитетом объединенных с.-д. организаций». 6 марта полиция переписала всех находившихся на галерее и забрала несколько студентов в зале.

Ростов-на-Дону. 19 февраля в Ростове была совершена попытка произвести уличную демонстрацию. К 7 час. вечера среди гуляющей по Садовой улице (против Думы) публики стали появляться группы рабочих; одна из них около 8 час. начала у Соборного пер. петь «Марсельезу»; когда публика, заинтересованная этим небывалым в Ростове зрелищем, стала толпиться по тротуарам, демонстранты в числе около 100 чел. вышли на середину улицы и с криками: «Долой самодержавие!», «да здравствует свобода!» направились на противоположную сторону. Момент был замечательно удобен для совершения стройной и внушительной демонстрации, публики собралась масса, полиции не было... Между тем в среде демонстрантов, к сожалению, не было опытного руководителя, который сумел бы использовать первую минуту; не было даже знамени, которое хоть отчасти поясnilo бы собравшейся публике истинный характер сборища. Прошло минут 10, когда, наконец, появилась полиция, затем казаки. Наиболее публики толпилось на углах, особенно у Соборного пер.; как только раздавались революционные возгласы, покрываемые криками «ура!», полиция бросалась в толпу и выхватывала первого попавшегося. Таким образом, было арестовано человек 6. Когда толпа пыталась было отбивать арестованных, околоточный надзиратель направил в толпу револьвер, грозя раздробить голову первому, кто осмелится на него броситься. Толпа отступила и потом все время беспрекословно позволяла производить аресты. Долго еще толпилась публика, ожидая, что будет дальше. К 2 час. все успокоилось. Несмотря на неумелое ведение демонстрации, впечатление, произведенное ею на обывателей, не поддается описанию. До сих пор все говорят об этом событии, небывалом в Ростове, и удивляются мужеству рабочих.

В течение истекшей осени и зимы местным Комитетом распространены следующие воззвания: 1) по поводу закрытия «профессионального общества» — мимеограф. в количестве 1000 экзempl., 2) о политической свободе — гектограф. в колич. 200 экз.; 3) по поводу Таганрогских беспорядков — гектограф. 200 экз.; 4) по поводу годовщины освобождения крестьян 1000 экз.

Возникшей в конце истекшего года в Ростове «кассой для политических ссыльных и заключенных (Красным Крестом)» распространены: 1) бюллетень о демонстрациях в Харькове и Екатеринославе с призывом к сбору пожертвований, 2) листки «Еврейск. Бунда» к еврейской интеллигенции о студенческих беспорядках, 3) бюллетень о демонстрациях в Киеве, Москве и Питере — с призывом к пожертвованиям.

Арестовано всего по делу о демонстрации 19 февраля около 15 человек.

17 февраля произошла демонстрация в Екатеринославе, организованная местным Комитетом Партии, который созвал рабочих особым листком, напечатанным в собственной типографии. О самой демонстрации рассказывается в другом листке комитета, изданном после 17 февраля. Приводим из него следующее место:

«В течение целой недели у губернатора шли совещания всей „стаи славной“, опоры царя и отчества: его сиятельство фон-Келлер, жандармский генерал Делло, полицеймейстер и просто пристава и даже помощники приставов, — все братались как равные, все вместе придумывали, как бы получше задушить смелую попытку екатеринославских рабочих. Были приняты все меры. Произведена была масса арестов и обысков. Солдатам своевременно розданы были патроны. В день демонстрации, в воскресенье, вся Чечелевка занята была войсками и отрезана от города. В тот же день, с 2-х часов дня, обыкновенно шумный и людный проспект представлял собою необычайное зрелище: кроме полицейских чинов, на нем почти не видно было ни единой живой души. Всех прохожих буквально гнали в шею, не давая проходить ни выхода. По временам только то здесь, то там появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворам и маршировала по проспекту. Город очутился вдруг на военном положении, и можно было подумать, что на нас напали какие-то неведомые вражеские полчища. Но нет,

то бушевала собственная полиция, предводительствуемая губернатором, раз'езжавшим, как перед сражением, верхом на коне. Вся стая черных воронов-дармоедов, нахлебников у народа, имея за спиной сотни вооруженных солдат, собралась во что бы то ни стало задавить этот самый народ, заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народ сильнее, чем его нахлебники. В ту самую минуту, как граф Келлер важно и самоуверенно раз'езжал по проспекту, под самым сиятельным губернаторским носом появилась дружно сомкнутая масса смельчаков заводских рабочих и городских ремесленников, развернула красное знамя, на котором красовались слова: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует политическая свобода!“, и с этими же криками ринулась вперед. Но масса была безоружна. Со всех сторон налетела на нее стая хищных коршунов: пристава, околоточные и городовые с шашками наголо, выхватили из толпы семь человек и отправили в участок. В это же время другая масса рабочих с развернутым знаменем, с пением рабочей марсельезы двинулась от Нового театра и прошла беспрепятственно пять кварталов, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большим стечением сочувствующей публики. Одновременно с этой второй произошла третья демонстрация на Троицком базаре.

Казань. На местной ферме (земледельческое училище) ученики заявили директору, что они не могут выносить его прижимок и покровительства богатым ученикам. Директор немедленно собрал совет, на котором решено было исключить 4 учеников и арестовать их. Для выполнения этого постановления в училище явилось несколько полицейских, но ученики вступили в драку с полицией и отбили ее. После этого были приняты «энергичные меры»: арестовали 40 учеников и разослали их по местам жительства. Остальные подали министру земледелия петицию с изложением причин своего недовольства.

В университете obstruction. Полиция арестует студентов, чтобы через несколько дней снова выпустить. 27 февраля арестовано 30 студ.

Елисаветград. 25 февраля. Вот уже четвертый год на исходе, как наш город был в первый раз напуган повальными обысками и арестом около 10 человек. Местный жандарм, подполковник Ламзин, узрел в этих лицах преступников, а потому и теперь еще некоторые из них отбывают надзор. Обыски и аресты очень перепугали город, имевший смутное понятие о «социалистах». Нет ни одного обывателя из «средней», а пожалуй и «высшей» публики, который с понятием о «социалисте» не связывал бы представления о человеке, который задался целью убить царя. Никто из них, вследствие какой-то особенной психологии, выработанной под влиянием нашего государственного строя, не спросит себя, «зачем» и «почему», а ограничится одним фактом желания убить, и конец. Нельзя сказать, чтобы все эти 4 года у нас было тихо. Обыватели боялись обысков и даже арестов во время всероссийского студенческого движения 1899 г., боялись также во время «смутного времени», названного «Искрой» бурным месяцем. Но ни арестов, ни даже обысков не было. Подоспела в 1901 же году всем известная «продовольственная эпопея». Губернатор Оболенский приехал в Елисаветград, объявил, что на основании его официальных данных\*, голода в Елисаветградском уезде нет, при чем снисходительно назвал это явление «недородом», а есть, де, в Елисаветграде революционная группа, с Никольской во главе, которая пользуется всяким удобным и неудобным случаем, чтобы проникнуть в народ и произвести смуту и волнение. Всякому, конечно, известно, что спастись от голодной смерти может не только революционер, но у страха глаза велики, и г. губернатор в филантропии узрел революцию. Как бы там ни было, это событие дало повод ввести в Елисаветграде усиленную охрану, это «средствие», как

\* Интересно отметить, как собирались эти официальные данные. Губернатор приехал в деревню, собрал крестьян и грозным голосом приказал, чтобы каждый сказал, голодает ли он? Мужик боялся начальства и дал губернатору официальные данные, что «сыт по горло».

говорилось в № 7 «Искры» против голодовок. Усиленная охрана произвела небывалое впечатление на обывателя. Многи догадывались, что эта мера против «социалистов», и только немногие знали чисто местное значение охраны. Появились опять толки, свойственные русскому провинциальному обывателю, что теперь уже «социалистов» не будет, заботливое начальство позаботилось, недаром увеличен штат полиции. Усиленная охрана и сопровождающие ее меры повели к тому, что понятие о социалисте стало вызывать еще более ужасное представление, и, что всего прискорбнее, такое же представление о социалисте было и у рабочих как заводских, так и ремесленников. В ночь с 15 на 16 февраля полиция произвела и аресты. Город всполошился. Обыски и аресты продолжались, как говорят, дня 4. По городу ходили самые ужасные слухи, будто в одну ночь арестовано 30 рабочих, в другую 10 и т. д. Все это, разумеется, преувеличено. Но об обысках и арестах знал весь город, и неудивительно, почему: обыски производились днем, на квартиру рабочего Янкевича ездили несколько раз и все днем. В таком маленьком городке, где все до того знают друг друга, что надоели даже, все становится известным. Настроение рабочих, особенно заводских, отвратительное. Жандармерия напугала и их тем, что произвела обыск по станкам. В довершение всего, по городу циркулировал, не знаю, кем распространенный, слух о том, что 19 февраля будет «бунт». Публика серьезно побаивалась. Мне лично приходилось слышать из разнородных источников, что в 3 часа рабочие выйдут на Большую и будут кричать «свобода». Я полагаю, что этот слух распространяла сама полиция. Она предупреждала торговцев о бунте и приняла меры против такового: 19-го с утра по городу была устроена прогулка нашей пехоты. Интересно, между прочим, отметить следующий факт: у нас, благодаря неусыпной заботливости Николая Палкина, учреждено юнкерское кавалерийское училище. Воспитанники сего заведения задают тон всей нашей молодежи. Влияние его столь сильно, что военная разнузданность будущих кавалеристов неблагоприятно отразилась на будущих студентах и «барышнях». Гимназисты и реалисты стараются перещеголять друг друга в пошлых выходках, в дебоширстве, пьянстве, разврате, а гимназистки вздыхают по шпорам. Так вот начальство сего заведения решило и для своих воспитанников устроить прогулку по городу. Эскадроны юнкеров дефилировали по городу, запугивая население, которое при виде юнкеров представляло себе казаков с нагайками. Поневоле приходят на память «криптии» времен древней Греции, когда спартанские юноши посылались на невинные упражнения, имевшие целью перебить беспокойный элемент рабов. Ну, что ж, ученые свет! Если не теперь, гг. юнкера, то в будущем придется на законном основании истреблять беспокойный элемент. Присматривайтесь, приучайтесь! Разница только в том, что в Греции были безгласные рабы, которые вспыхивали лишь стихийно, у нас же объектом ваших упражнений будут люди, сознательно идущие на борьбу. Прикиньте-ка голову, вспомните из истории той же Греции, как малочисленное количество греков победило в 10 раз большее количество персов. С таким беспокойным элементом вам справиться не так-то легко, как с рабами...

При виде конницы так и подмывало выйти на Большую и Дворцовую и крикнуть: «Да здравствует свобода!». Но какая может быть демонстрация, если ни рабочие ни публика тебе не отзовутся, а еще, чего доброго, станут открещиваться: «чур меня!». Да, еще много и долго придется работать, пока публика и рабочие смогут на каждый жандармский погром ответить протестом, а не прятаться подальше от «злодеев-социалистов».

В другом сообщении из того же города рассказывается:

«Наши власти совсем потеряли голову. Полицейстеру от 8 до 20 февраля были предоставлены широчайшие полномочия в случае возникновения каких-либо беспорядков. Ежедневно стали делать облавы и обыски, арестовывали людей, когда они собирались обсуждать самые мирные дела, потом выпускали их и ловили других и таким образом все-таки арестовали человек 10, которых уже вряд ли освободят.

«Но интереснее всего было 19 февраля. Стоящий у нас полк был разделен на роты и шатался по всем улицам с барабанным боем и песнями. Мирные обыватели не знали чем объяснить это явление; одни говорили, что готовятся еврейский погром, другие — что крестьяне хотят напасть на город, словом, обыватель сидел дома и боялся выйти на улицу. В общем настроение очень приподнятое; все чего-то ждут, все ворчат, и доходящие из разных городов слухи о демонстрациях не только смутили властей, но и обывателей, которые чего-то ждут и, пожалуй, не прочь бы и подействовать. Интереснее всего, что даже при уличном столкновении полиции с обывателями толпа, несмотря на ее разношерстность, всегда солидарна против полиции и выражает это очень энергично, чему случай был у нас на-днях».

С своей стороны, мы можем только благодарить администрацию за ее посильное содействие революционному просвещению обывателя.

Шлиссельбургская могила. В феврале этого года из Шлиссельбурга выслан на Сахалин на поселение Мих. Ник. Тригони, осужденный в 1882 г. Сенатом на 20 л. каторги по делу 1 марта 1881 г. Тригони был близким товарищем Желязова, и в его комнате был арестован 27 февраля 1881 г. этот знаменитый революционер. Этого одного было достаточно правительству, чтобы приговорить Тригони к 20 годам каторги, незаконно держать его, вместо Сибирских рудников, сначала в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, а с 1884 г. — в Шлиссельбургском каземате, и выдержать в заключении все 20 лет, без всяких скидок. В лице Тригони из Шлиссельбурга выходит один из немногих узников, выдержавших 2 десятилетия шлиссельбургского заключения. В августе 1884 г. из Алексеевского рavelина было перевезено в Шлиссельбург 20 человек — пятнадцать из них умерли от болезни или расстреляны за ничтожные проступки (Минаков и Мышкин). Из этой первой партии шлиссельбуржцев Тригони — единственный, которому пока удалось выйти из каземата. Поливанову предстоит окончание срока осенью этого года, а Н. Морозов, М. Фроленко и М. Попов обречены на бессрочное заключение, которое должны разделить с ними все прочие шлиссельбургские узники, прибывшие туда позднее, кроме трех (В. Иванов и Ашенбреннер выходят в 1904 г., а Стородворский в 1907 г.). Бессрочными, кроме упомянутых, остаются еще Вера Фигнер (с 1884 г.), Г. Лолатин, Антонов, С. Иванов, Лукашевич и Новорусский (с 1887 г.). Всего 9 лиц. С прошлого года к ним присоединился П. Карпович, который принес шлиссельбургским узникам первую весть о новом подъеме революционной волны.

Самодержавие, мстительное по всем своим традициям, не может не мучить своих врагов даже спустя 20 лет после того, как взяло их в плен. Целые поколения сошли со сцены, большинство уцелевших соратников тех, кто был заключен в Шлиссельбурге, получило свободу и возможность общественной деятельности, а в судьбе шлиссельбуржцев не происходит серьезных изменений к лучшему. Даже те из них, которые отбыли свои долгие сроки, с утонченной жестокостью высылаются в Средне-Колымск, Вилюйск или на Сахалин.

Неужели узники русской Бастилии не выйдут из нее раньше, чем их освободит 14 июля?

Несчастный случай с Академией Наук. Императорская Академия Наук объявляет:

«В виду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, выборы в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), привлеченного к дознанию в порядке 1035 статьи устава уголовного судопроизводства, объявляются недействительными».

Несчастная Академия! Выбирая недавно Горького в число своих почетных членов, она не знала, что Горький — «политический преступник», привлеченный к жандармскому следствию по обвинению в... «вредном влиянии» на нижегородцев. Теперь она об этом узнала (ей сообщили

сведущие люди) и спешит поправить беду, объявив свое собственное решение недействительным. Разумеется, такой мудрый шаг поднимает в высшей степени уважение публики к сонму генералов от науки, которые так боятся «запачкать» себя соседством с борцом против самодержавия.

Не находит ли, однако, Академия, что ни один здравомыслящий человек не может поверить рассказу о том, будто, выбирая Горького, она не знала, кого выбирать? Не думает ли она, что ее выбор и русской публикой, и заграничными газетами мог быть понят только, как сознательная манифестация в честь Горького? И не кажется ли ей, что, испугавшись своего собственного поступка и отрекшись от «политического преступника», она только заставит публику понять, что своим новым решением Академия не Горького отрешает от себя, а себя — от Горького, вообще от всего живого и свободного в русской литературе?

Собрание мудрецов, посевших в служении... высочайшим покровителям науки и искусств, может, конечно, считать окрик начальства достаточным основанием для того, чтобы решиться на дерзкий вызов общественному мнению всех тех, кто чтит в Горьком крупную литературную силу и талантливую выразителя протестующей массы.

Но в Императорской Академии наряду с архивными крысами и придворными одописцами заседают и такие люди, которых публика считает в рядах противников мракобесия. Сочтут ли эти деятели для себя пристойным оставаться членами или «почетными членами» учреждения, с которым произошел несчастный случай?

Движение среди семинаристов. Волнение, охватившее всю учащуюся молодежь, не прошло бесследно и для духовных семинарий. Ряд «беспорядков» в Рязанской, Калужской, Тульской, Казанской, Пермской, Архангельской, Иркутской и других семинариях показал, что и в этой части учащейся молодежи таится серьезное недовольство. Перед нами — ряд листов, изданных «Временным Центральным Организационным Советом семинаристов» и зовущих семинаристов к организации и коллективной борьбе за реформу учебного дела и уравнивания прав семинаристов с правами воспитанников других учебных заведений в деле продолжения образования. Все прокламации «Центрального Совета» написаны весьма серьезно и обнаруживают готовность семинаристов упорно и с поддержкой отстаивать свои интересы. В одном «бюллетене-циркуляре» находим отчет «Центрального Совета» о ходе организационного дела, из которого узнаем, что Совету удалось завязать прочные организационные связи между 22 семинариями в разных концах России и еще с 19-ю ведутся переговоры. Московская и Казанская духовные академии относятся сочувственно к движению. Последнее привлекло уже к себе внимание Синода, о чем свидетельствует нижеследующий документ:

Доверительно. По имеющимся в Св. Синоде и Епархиальном управлении сведениям, злонамеренные люди стремятся посеять смуту в наших духовных учебных заведениях и, к сожалению, успели повлиять на некоторых легкомысленных студентов Московской и Казанской академии и воспитанников духовных семинарий. В учебных заведениях начали образовываться кружки, распространяющие воззвания, будто от студентов академии и воспитанников семинарий, никем не подписанные. В этих воззваниях они стараются укрепить семинарских воспитанников в той мысли, что общее заявление, подписанное всеми воспитанниками, может оказать влияние на Св. Синод и побудить его к выполнению пред'явленных им требований: уравнивания программ семинарского курса учения с таковыми же светских учебных заведений, дозволения поступать в университеты и другие высшие светские учебные заведения по окончании курса учения в IV классе, отмены приемных в семинарии и переходных из класса в класс экзаменов, сокращения богословских предметов и усиления светских, устранения монашествующих лиц от управления семинариями и полного изменения отношений к ученикам со стороны начальствующих и учителей. Выставляется сверх того требование, чтобы для семинаристов не было обязательным хождение к богослужению, бытие у исповеди и св. причастия, а также исполнение церковных

постановлений относительно постов. В случае невыполнения предъявленных требований, сеятеля смут предполагают воспитанникам семинарий прекратить учебные занятия, и во многих семинариях, к сожалению, уже произведены были беспорядки, выразившиеся в диких, нетерпимых в учебных заведениях поступках, а именно: буйных сходках, битье стекол и ламп, полове вещей и даже чугунных перил на лестницах. Несомненно, призыв воспитанников семинарий к предъявлению изложенных безумных требований и учинению беспорядков рассчитан на молодых людей легкомысленных, не понимающих, что стоит Св. Синоду и государству признание и обучение детей духовенства, готовящихся к служению церкви, и какому бедствию подвергнут они себя и своих родителей, если за уклонение их от учения и за смуту отнимется от них благодеющая рука правительства.

В виду возникающих беспорядков, долг всех родителей и воспитателей в личных сношениях с учащимися разъяснить им бедственные эти последствия беспорядков, а равно и предупредить, что они не должны ожидать никакого послабления своеволия, нетерпимому в учебном заведении, и что те из них, кои отказываются учиться, будут немедленно увольняемы, в случае же прекращения учебных занятий во всем учебном заведении, оно подлежит закрытию и может быть открыто при полной уверенности в возможность правильного хода учебных занятий.

Что касается петиций и заявлений, к подписанию коих зачинщики беспорядков склоняют и побуждают неопытную и легкомысленную массу учеников, то подлежит объявлению, что все такие заявления, как противозаконные со стороны учеников, не могут иметь никакого значения, и все подписавшие такое заявление, как ослушники, будут подлежать увольнению.

Поручаю вам в дополнение к циркулярному отношению от 2 июня 1899 г. предъявить под расписку в слышании и исполнении в чем следует содержание настоящего отношения тем членам причтов, подведомых вам, сыновья коих обучаются в Вологодской духовной семинарии и пригласить их к дружному и единодушному содействию оберегать неопытную молодежь от увлечения противозаконными воззваниями и несбыточными мечтаниями людей неблагонамеренных.

### Из Забайкалья.

Два губернатора. В мае месяце прошлого года военный губернатор Мацевский перемещен был в Туркестанский край. Сравнительно с другими губернаторами, бывшими в Забайкалье, Мацевский не особенно злоупотреблял данной ему огромной властью. Он, напр., довольно мягко относился к солдатам и к ссыльным. Но зато произвол его по отношению евреев был безграничен: преследование их он возводил в культ. Так, года два тому назад он издал циркуляр, в котором обязывал домовладельцев станицы Сретенской не отдавать домов своих под квартиры евреям. Благодаря его же стараниям, явился на свет другой циркуляр, буквально прикрепляющий евреев Забайкалья к земле. Дети и отдаленнейшие потомки ссыльных-евреев Забайкалья несут на себе ответственность за грехи отцов, так как им выдают паспорта только на несколько дней, и больше, чем на 6 мес. в году, еврей не имеет права отлучаться из места постоянного своего жительства.

Расставаясь с Забайкальем, Мацевский говорил много речей и служил молебны: он вообще очень любил играть в солдатики и служить молебны. «Господа, — говорил он, между прочим, евреям. — вы думаете, что я сам избретаю всякие циркуляры? Нет, я только исполняю закон, которому сам подчиняюсь. Если бы сегодня издан был закон, обязывающий нас ходить вверх ногами, я первый пошел бы вверх ногами!». Он поэтому советовал терпеливо ждать того времени, когда законы страны изменятся. «Вот теперь такие законы, а через сто лет могут быть другие», утешал он обиженных законом людей. Вообще, это был человек не злой и не далекий. Он покровительствовал читинскому отдел. Геогр. общ., которое, благодаря этому, кое-что сделало в культурном отношении.

В ином совсем роде новый властелин Забайкалья. До назначения на должность губернатора Надаров был начальником интендантского правления Приамурского края и во время китайской войны, говорят, немало поживился на счет казны. Внешний вид у него крайне грубый, фельдфебельский. Явившись в Читу, он произнес собравшимся встретить его чиновникам и горожанам речь, в которой заявил, что он строгий сторонник законности и гласности. Он просил чиновников доносить ему обо всем, что они заметят противозаконного, и открывал для всех столбцы официального органа «Забайкальские Обл. Вед.» для заявления ему о своих нуждах. Слова: «законность» и «закон» у него с уст не сходят, между тем как в своей деятельности он руководствуется почти исключительно личным вкусом и административным произволом.

Начал Надаров свою деятельность важным преобразованием: он приказал полиции снять вывески со зданий Географического общества — музея и буддийского храма — и заменить их другими — своей редакции, при чем на буддийском храме появилась нелепая надпись «музей».

Начав с речи о законности, он первый показал всем пример самого грубого произвола. В Геогр. общ. существует Совет, к которому он и должен был обратиться по этому вопросу. Но Надаров считал более удобным прямой путь административного распоряжения. Вообще, на Геогр. общ. он обратил особое внимание, ибо увидел в нем источник крамолы. Все придирки вначале направлялись по адресу директора музея, А. К. Кузнецова, отдавшего лучшие силы и годы созданию этого музея. Прикрываясь ревностью к православию, Надаров искал случая закрыть дацан \*. «На месте этого дацана, — сказал он однажды, — давно следовало открыть кабака». Он так предан православию и так ненавидит всякое инославие, что, по собственным его словам, он «морду побил бы Хамбо-Ламе, если бы встретил его» (Хамбо-Лама — верховный жрец у бурят). Он нашел горячее сочувствие в местном архiereе Мефодии, человеке грубом, неразвитом.

Не найдя никаких поводов к закрытию ненавистного ему маленького буддийского храма, мозолящего ему глаза своими яркими красками, достойный правитель сам изобрел предлог: он арестует бурята, который направлялся в дацан с тряпками и спиртом чистить своих бронзовых богов, обвиняя его в том, что тот совершал богослужение; он создал дело о тайных, с ведома А. К. Кузнецова, богослужениях в дацане и запечатал дацан. Скоро ему пришлось отменить это распоряжение: приехавший в Читу путешественник, француз Лабэ, явился к нему и высказал изумление по поводу такого обращения с научными коллекциями, и генерал должен был вновь открыть дацан.

В редакторы «Забайкальск. Обл. Ведом.» им назначен некто Горохов, верный слуга и малосведующий человек. На столбцах официальной газеты стали появляться доносы. В одном из них говорилось о «вредном влиянии» публичной библиотеки Географического общества на учащихся, о «тенденциозном подборе книг по политической экономии и социологии». Генерал сам производил следствие по этому поводу: явившись в библиотеку, он лично осмотрел шкафы и нашел в них следующие запрещенные книги: сборник статей Д. И. Писарева из «Русского Слова», вошедших в полное собрание сочинений, и журнал «Русская Мысль».

Незаконной в библиотеке оказалась и курсистка, высланная из Петербурга за беспорядки и исполняющая обязанности библиотекаря. Известно, что бесчисленное множество доносов на вредную деятельность Географического Общества и библиотеки написал А. Ф. фон-Геллер, достойный сотрудник достойного правителя.

Через некоторое время после осмотра библиотеки, обнаружившего ее тенденциозность, Совет Географического общества получил от губернатора запрос: «На каком основании поднадзорный студент С. работает в музее? На каком основании высланная из Петербурга курсистка К. работает в библиотеке? На каком основании состоящий под гласным надзором мешанин М. работает в библиотеке?». Далее предлагалось названных лиц удалить, а незаконную библиотекаршу уволить.

\* Дацан — буддийский храм. В 1899 г. в Чите на бывшей сельско-хозяйственной выставке на собранные бурятами деньги была построена модель дацана.

Всем решительно в Сибири, в том числе ген. Надарову, известно, что добрая половина (если не больше) научного материала о Сибири собрана именно поднадзорными.

Оторванные от любимого, живого и дорогого им дела борьбы за счастье своей родины, эти «поднадзорные» свою жажду деятельности перенесли на окружающий их мир неисследованных областей, в которые их забросил господствующий у нас произвол. Достаточно указать на ценные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Богораза, Пекарского и других известных и безвестных тружеников. А ведь это все были «поднадзорные»!

Выходки Надарова по отношению к директору музея и директору библиотеки приняли, наконец, такой вызывающий и неприличный характер, что они принуждены были отказаться от деятельности. Директор музея А. К. Кузнецов, давно уже отбывши срок ссылки, посвятил себя целиком мирной, культурной работе: благодаря его трудам и энергии, в Нерчинске и Чите возникли два музея с богатыми научными коллекциями. А. К. Кузнецов весь отдался этой деятельности, которая под старость осмысливала его жизнь. Директор библиотеки, Ц. С. Гуревич, приняв на себя заведывание публичной библиотекой, три года неутомимо работала в ней, устроила книжный склад для народа, в котором, наряду с хорошими книжками, принуждена была продавать жития святых и книги священного писания. Но вот в результате этой деятельности получились такое к ним отношение, как будто бы они посвятили это время революционной и противозаконной деятельности. Этот случай может служить наглядным примером того, что в пределах существующего у нас произвола и бесправия всякая культурная работа сводится к нулю каким-нибудь держимордой... Теперь на место директора библиотеки выбрана какая-то полицейская дама, назначившая для приема библиотеки известного доносами Геллера и помощника полицеймейстера. Отныне, вероятно, в библиотеке уже не будет «тенденциозного подбора» книг и «вредного влияния» их на учащихся!..

Юдофобствует Надаров не меньше своего предшественника. К инородцам, бурятам и др. относится вызывающе грубо. С просителями обращается по-генеральски — многим говорит «ты», особенно серому люду. Поднадзорных ссыльных (большинство их из бывшей политической тюрьмы на Каре) преследует мелкими придирками. Недавно, напр., наложил административное взыскание на ссыльного Ф. за то, что тот, получив разрешение выехать в Баргузинскую тайгу, остался в Чите; Надаров приказал подвергнуть его однодневному аресту при полиции. Недавно генерал решил, что в Чите существует «Общество распространения нелегальной литературы в России» (кажется, он получил по почте № «Искры»). Теперь генералу Надарову мерещится, что все обыватели Читы читают нелегальную литературу; по крайней мере, он сказал кое-кому о своем открытии и обещал во что бы то ни стало открыть организацию. В начале этого года, без всякого повода со стороны мирных обывателей, для пущего страха распространил приказ, запрещающий сходки, сборища и сходбища. Обыватели Читы в жизни своей не думали о сходбищах: теперь волей-неволей подумают.

Вся деятельность ген. Надарова, как начальника области, превышающей размерами Францию, сводится к бесцельным разездам по области, для того лишь, чтобы получать «прогонные». Единственная работа мысли его заключается в надписи на прошениях: «по закону». Делая эту надпись, он, как мы видели, руководствуется одним лишь произволом. Этим он напоминает бывшего в начале 80-х годов губернатора Забайкалья, Ильашевича (в которого стреляла Кутитонская). Когда проситель указывал ему на незаконность его распоряжений, он брал том «Свода Законов», садился на него и говорил: «Закон тебе надо? Видишь — вот где у меня закон!».

Грубые произвольные поступки Надарова, нелепые его распоряжения раздражают все население, возбуждают его ропот и недовольство.

Такое управление обширным краем оказывает большую услугу делу революции, — оно порождает недовольных среди самых мирных обывателей и подготавливает почву, на которой можно сеять семена нового учения.

Новый «каторжный приговор». По делу о беспорядках, произведенных сектантами в с. Павловке (Харьк. губ.), харьковская судебная палата вынесла 49 крестьянам, крестьянкам обвинительный приговор, при чем 45 лиц осуждено на каторгу — от 4 до 15 лет. Павловское дело разбиралось при закрытых дверях, а потому общество имеет законное право остаться при прежних своих подозрениях, возбужденных слухами о том, что руководителями беспорядков были отцы-миссионеры, подославшие к сектантам провокатора. Если бы дело было чистое, почему бы правительству закрывать для публики двери суда? Почему бы «Моск. Вед.» заранее плакаться и говорить, что «либералы», наверное и павловское дело припишут «попам»?

Как бы то ни было, а павловское дело не прибавило лавров русскому правительству. Была ли тут провокация или просто сектанты были доведены правительственными преследованиями до последней степени отчаяния, — в том и другом случае их поступок (нападение на православную церковь) всецело ложится на ответственность правительства. Что жестокий приговор еще более озлобит сектантов, — понятно само собою. Правительство неуклонно толкает религиозных врагов православия на путь политического недовольства. Вот какие призывы раздаются под влиянием этой мудрой политики из среды современных сектантов:

Да не царствует над вами  
Человек греха, сын погибели.  
Знайте, миряне, верны христиане,  
Что российские цари не русской крови,  
Не варяжского рода, не Рюрикова плода  
И не должно им быть части в русском государстве,  
Не должно быть им доли в русском престоле. •  
Они, братцы, сыны смешанной крови,  
Французско-Немецкой, Чухонской и Шведской,  
Чуждой нам, не близкой, с примесью Английской,  
Ироду подобной, христианству злобной.  
Идумейское племя, змеиное семя —  
Они набирают, в народ пускают  
Попов-миссионеров, злых изуверов;  
Совет собирают — распять Христа ищут;  
За слово Христово карают сурово;  
В тюрьмы сажают, судят и ссылают.  
Хозяйства разоряют, в Сибирь, на Кавказ гоняют  
И там без всего оставляют.  
Малые детки умирают, матери их стенают.  
Народ обируют, идолов в золото наряжают  
И силой принуждают идола молиться,  
Дьяволу поклониться, власти антихриста поклониться.  
А вы, братцы, пробудитесь, вокруг себя оглянитесь.  
Промойте заспанные очи, уж настал день рабочий —  
Время никого не ждет, разумный вперед идет.  
Поспешайте все к труду, если хотите жить в добру.  
Лучше за правду пострадать, чем в неволе пребывать;  
Лучше за свободу умереть, чем весь век терпеть.  
Слышен с Голгофы глас, слышен для нас:  
«Мне царства все дьявол сулил, чтобы я народ поработил,

А я крест понес за свободу и свободу дал народу.  
В рабстве живущие — суть в могилах сущие;  
Сыны божие свободны, сыны дьявола рабы.  
Кто не за свободу, тот против меня, Иисуса Христа!»

## ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Профессиональная организация кожевников.

Кожевники Литвы и Польши недавно организовали «Всеобщий Социал-Демократический Федеративный Союз Кожевников». Польский отдел этого федеративного Союза входит, как автономная часть, в Польско-Литовскую Социал-Демократическую Партию, а еврейская на таких же основаниях в «Бунд».

Приводим хорошо написанный манифест, изданный Союзом на польском и еврейском языках (обещано и русское издание).

### МАНИФЕСТ

#### Всеобщего Социал-Демократического Федеративного Союза Кожевников.

Еще не так давно в кожевном промысле, раскинутом по всему пространству Польши, Литвы и России, царил удручающая тишина. Тяжела и безнадежна была наша жизнь. Бесконечный рабочий день, тянувшийся с раннего утра до позднего вечера; нищенский заработок, грубое, унижительное обращение с нами работодателей и мастеров, страшная грязь, смрадный воздух и теснота помещений; связанные с кожевным промыслом болезни, вроде сибирской язвы, поглотившей множество жертв; истощение сил, спешная работа во время сезона — и безработица и голод во время перерывов в производстве, и в придачу ко всему этому тупое равнодушие к своей судьбе и отсутствие всякой мысли о том, что такой порядок несправедлив и может и должен быть изменен, — вот картина нашего положения. Мы думали, что такова воля бога, — а пути его неисповедимы, — чтобы простой народ работал без устали на своих господ, не покладая рук и не разгибая спины; и чтобы жил в нужде, грязи и унижении, а господа-работодатели могли на его счет утопать в роскоши и как сыр в масле кататься. Своих работодателей мы считали за благодетелей, так как они дают нам возможность заработка, без них, будто бы, мы перемерли бы с голоду.

Единственным лучом надежды на улучшение нашего положения была для каждого из нас мечта сделаться мастером или посредником, чтобы тогда иметь возможность угнетать своих братьев-кожевников. При такой темноте, при таком слабом духовном развитии, разве могли мы почувствовать и понять тяготеющий над нами политический гнет? Разве могли мы понять, что наилучшие соки из нас выжимает царь с своей многочисленной шайкой чиновников; что над нами издеваются, что они держат умышленно нас в темноте и невежестве и всегда становятся на сторону притеснителей? Разве могли мы понять, что, хотя мы такие же люди, как и все другие, но не имеем никаких прав; что с нами обращаются, как со скотами, что, без нашего согласия, дерут с нас подати, берут в солдаты, запрягают собираться для обсуждения наших дел, что за нами шпионят и над нашими головами всегда висят, подобно ястребу, подстерегающему добычу, нагайка, тюрьма и ссылка? Мы работали и вздыхали, принимая пощечины и брань, а в свободные минуты ложились спать или напивались до потери сознания. Мрачно и горько текла наша жизнь, без цели, без радости, без надежды. Но хуже всех приходилось нашим товарищам, разбросанным по маленьким местечкам.

Такова была наша жизнь и жизнь других рабочих. Но вот раздались удары колокола, прогремел могучий призыв польских, еврейских, литовских и русских организаций: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! Пролетарии всех национальностей, организуйтесь!»

Всюду, куда только долетел этот призыв, рабочие массы очнулись от долгого сна, протерли глаза и расправили онемевшие члены. Они поняли свое значение и двинулись в бой! Закипела борьба не на жизнь, а на смерть!

Каждое улучшение, каждую уступку приходилось отвоевывать потом и кровью. На одной стороне стояли работодатели, располагавшие капиталами и помощью со стороны правительства; на другой — рабочие, располагавшие лишь одним оружием — единодушием. Начался целый ряд стачек. Сознание необходимости тесной солидарности и обороны росло с неслыханной быстротой. Классовое сознание, т. е. понимание необходимости для всего рабочего класса уничтожить власть капитала, и сознание политическое, т. е. понимание необходимости вырвать из рук нашего самодержавия его неограниченную власть — шли рука об руку, и из покорных, лишенных прав невольников создали могучую армию пролетариата.

Самой собой разумеется, что и мы, кожевники, не остались глухи к голосу могучего призыва. Всюду, а в осо-

бенности в более крупных городах Литвы и Польши, поднялись мы на борьбу за лучшие условия существования, всюду началась борьба за человеческое достоинство, за свободу и счастье. Наше пробуждение выразилось прежде всего в целом ряде стачек, имевших целью сокращение рабочего дня и повышения платы. Как пожар, раздуваемый ветром, распространилось организованное стачечное движение на весь кожевный промысел. Из городов оно сейчас же передалось в местечки и глухие закоулки. В Варшаве, Белостоке, Сувалках, Крынках, Сокольниках, Ошмянах, Витебске, Свисточах, Скирлах, Забудове, Вильне, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Сморгони, Динабурге и т. д. разыгрывались поочередно стачки кожевников, оканчивавшиеся хорошими результатами.

В продолжение 3—4 лет рабочий день во многих городах понизился до 13—12 час. со включением 2-х часов на обед. Во многих отраслях производства плата повысилась вдвое. Обращение с нами наших работодателей изменилось до неузнаваемости.

И среди нас сильно сказалась разница между положением тех рабочих, которые боролись и борются, и тех, которые по каким-либо причинам стоят вдали от движения. Например, рабочие, занятые при обработке сырых кож, состоящие в большинстве случаев из сельских рабочих, не отвоевали себе никаких улучшений и работают еще обыкновенно 15—16 ч., к тому же при ужасных гигиенических условиях и крайне низкой заработной плате. Чем сильнее обострялась экономическая борьба, чем больше усиливались со стороны царских чиновников преследования, аресты и высылки, тем упорнее проявлялось у лучших наших представителей стремление внести политическое воспитание в среду кожевников, тем ярче сказывалась потребность в организационной связи не только среди кожевников какого-либо города или местечка, но среди кожевников всего производства.

Все яснее становилось для нас, что мы, кожевники, должны составить один союз, должны иметь общее центральное учреждение, которое бы руководило нашей борьбой, объединяло ее и делало бы ее более целесообразной и производительной.

Наиболее важные причины, вызвавшие потребность основания общего союза кожевников, таковы:

Во-первых. Кожевенный промысел занимается производством товаров, которые распространяются вдали от места производства. Спрос на них не приурочен к месту, как это мы видим у ремесленников, а сбываются они на крупных рынках. Поэтому такие условия производства, как длина рабочего дня, цена товаров, прибыль капиталиста, плата работника и т. д., не могут значительно отличаться друг от друга в разных местечках, вследствие чего в какой-либо одной местности нельзя добиться прочных улучшений, если в других местностях условия остаются без перемен. Отсюда вполне ясно, что, если мы, кожевники, хотим успешно вести борьбу, мы должны знать положение и условия производства в разных местностях, должны стараться, чтобы борьба развивалась равномерно, должны выбирать соответствующий момент и понимать, какие требования можно выставить. Для всего этого и необходим союз, центральный комитет.

Во-вторых. Города и местечки, в которых существует кожевенный промысел, находятся между собою в тесных сношениях. Рабочие постоянно переходят с одного места на другое, поработавши несколько месяцев в одной местности, идут в другую. Вот почему рабочее движение так быстро перешло из городов в местечки. Но это же обстоятельство легко может повлечь за собою и дурные последствия, если массы не развиты и не связаны в союз и не имеют центральной организации. Когда вспыхивает стачка, фабриканты легко могут достать рабочих из других местностей и, таким образом, одержать верх над стачечниками. Но союз не допустит этого, давши своевременно повсюду знать, что происходит стачка и что надо бороться с штрейкбрехерами.

В-третьих. Фабриканты, видя в рабочем движении надвигающуюся на них бурю, начали оказывать друг другу всякого рода взаимные услуги. То фабрикант, у которого рабочие устроили стачку в «сухом» промысле, посылает свои полуобработанные кожи для окончательной

отделки другим фабрикантам; то во время стачки в «сыром» производстве принимает из других мест полуобработанные кожи. Такой образ действий, понятное дело, затрудняет для стачечников возможность победы. Но центральная организация может бороться с подобным явлением, сообщая рабочим, где имеет место подобная помощь мастерами, и предупреждая, чтобы они бросали работу.

**В-четвертых.** Начата в некоторых местах борьба принимает формы, которые несовместимы с интересами рабочих, как класса, т. е. несовместимы с демократическим принципом, а являются лишь проявлением узкого эгоизма. Например, в одном месте существует обычай недопущения и выбрасывания неместных рабочих с целью парализовать их конкуренцию; где либо в другом месте, ради той же цели, не принимают в ученье даже взрослых. Для того чтобы иметь сведения о такого рода непригодных формах борьбы и выяснить рабочим их истинный характер и вред, который они приносят делу, необходим союз, необходима центральная организация, необходим центральный орган (газета) кожевников.

**В-пятых.** Для того, чтобы поднять классовое и политическое сознание в отдаленных от городов глухих закоулках, лишенных образованных людей и школ и оторванных от общих социал-демократических организаций; чтобы снабжать их своевременно нелегальной литературой, помогать им материально и поддерживать арестованных и ссыльных; чтобы собирать сведения и корреспонденции о жизни кожевников и помещать их для общей пользы в органе; чтобы путем всеобщих стачек и всеобщих демонстраций подготовить нас к общей, одновременной и планомерной борьбе, — для всего этого необходим союз.

Давно уж наталкивала нас на это сама жизнь, сама борьба. Уже давно соединились мы между собой, еще тогда, когда никому и в голову не приходила мысль о союзе. Но этого мало. Уже много лет во многих городах и местечках существует среди значительной части кожевников союз, но союз этот был тайным, и не все местные организации знали о его существовании. Время от времени съезжались представители организаций кожевников для выборов центрального комитета. Сверх того, деятельность союза проявлялась в поддержании прочных, тесных сношений, совместной деятельности и взаимной поддержке. Объединение крепло, местные организации делались все сильнее, все более сознательными. Движение разрасталось вширь и вглубь. Приближалась минута, когда союз мог и должен был стать, во-первых, всеобщим, во-вторых, явным, когда он мог и должен был от имени объединенных кожевников открыто и смело бросить вызов на бой самовластному правительству и капиталистическому строю. И, наконец, минута эта настала. Осенью 1901 г. состоялся съезд польских и еврейских кожевников. Теми и другими были приняты одинаковые постановления. Постановлено было оповестить об основании Всеобщего Социал-Демократического Федеративного Союза Кожевников. Тогда же было образовано центральное учреждение.

**Всеобщий Союз Кожевников!** Это значит: все вы, братья кожевники, живущие в Литве, Польше и России, без различия национальности, образования, возраста приглашаетесь присоединиться к нашему союзу. Он не может быть только польским, только еврейским или только русским там, где повсюду на фабриках и в мастерских работают бок-о-бок поляки, евреи, литовцы, русские и т. д. Их интересы тесно связаны. Они действуют и должны действовать солидарно во время всякой борьбы, во время каждой стачки или демонстрации.

**Федеративный!** Это значит: кожевники каждой национальности: поляки, евреи, русские и др. организуются отдельно и образуют отдельные союзы: польский, еврейский, русский и т. д., но все они соединяются между собою при помощи центрального (федеративного) комитета, в который входят представители отдельных национальных организаций. Польские, еврейские, русские, литовские и другие товарищи отличаются друг от друга языком, складом ума и склонностей, степенью образования, кроме того, подвергаются эксплуатации в различной степени, вследствие чего могут иметь свои особые задачи; нужны им поэтому различные агитаторы и различная литера-

тура. Вот почему каждая национальность должна иметь свою особую самостоятельную организацию. Но все они должны быть соединены вместе таким образом, чтобы каждая национальная организация имела одинаковые с другими права и голос.

Такой союз называется федерацией. Поэтому-то наш союз и называется союзом федеративным, а центральный комитет — федеративным комитетом.

**Социал-демократический!** Это значит: наша цель заключается не только в том, чтобы облегчить кожевникам ведение экономической борьбы, но также и в том, чтобы наилучшим образом выполнить нашу задачу — внести в самые отдаленные уголки свет социал-демократического учения, выснить всем кожевникам, где бы они ни жили и как бы разбросаны ни были, ту великую роль, которую им предстоит сыграть вместе с остальным пролетариатом, живущим в обширном русском государстве.

Сперва свергнуть самодержавное правительство, а затем ввести социалистический строй.

Наш союз не является каким-либо хитрым изобретением, плодом витающего в пространстве воображения или забежавшей далеко вперед мысли, — он — конечный, естественный результат нашей жизни и нашей борьбы. Он стал сильным, окреп и закалился в тяжелой, неустанной борьбе. Вихри и бури были свидетелями его тайного зарождения, пеленали его грубые руки. Вспоен он потом и кровью, вынырнул в тюрьме и ссылке. Радость и горе, победы и поражения укрепили его силы. Солдатские пули, казацкие нагайки, жандармы и полиция воспитали в Вильне и Сморгони его деятельность. Открытому выступлению его предшествовала борьба неслыханных размеров. В продолжение каких-нибудь двух осенних месяцев 1901 г. волна стачечного движения охватила Варшаву, Соколы, Забудово, Свисточи, Бердичев, Витебск, Сувалки, Сирлы и Крынки. Несколькими месяцами назад вспыхнула огромная стачка в Вильне (1.200 ч.).

Но венцом всего была необычайно стойкая стачка в Сморгони (1.200 ч.), во время которой сморгонские кожевники выказали столько мужества и твердости, а кожевники других местностей столько солидарности и готовности оказать помощь.

Честь товарищам, которые своей борьбой подготовили почву для нашего Союза! Честь товарищам, которые потерпели за общее дело, которые пожертвовали жизнью за своих братьев!

Пусть растет и процветает наш Союз!

Пусть будет он выражением братства и солидарности рабочих всех национальностей и вероисповеданий.

На борьбу, друзья! Все за одного и один за всех!

\* \* \*

Союз Кожевников будет издавать периодический орган («Борьба») на трех языках: польском, еврейском и русском. Пожелаем новому союзу успеха, а кожевникам собственнорусских центров — скорейшего присоединения к профессиональной организации их промысла.

Из Москвы. Зубатовская эпопея вступает в новую фазу своего развития, на сцену выступила, как и должно было предполагать, новые действующие лица, немного затуманивающие ясный горизонт полицейского социализма; но об этом после. Первые успехи хитрой махинации, затеянной Зубатовым, видно, совсем вскружили ему голову; дурачить рабочих небольшими уступками за счет фабрикантов ему показалось мало, и вот 19 февраля один из агентов охраны — рабочий Слепов — произносит перед своими товарищами речь, в которой раскрывает широкие перспективы будущего эльдорадо для рабочих, если они останутся верными царскому правительству: «Правительство, — говорит он, — обещает вам восьмичасовой рабочий день, а потом... со временем оно возьмет в свои руки все фабрики, отдаст их вам, и вы будете хозяевами своего труда; для этого не нужно конституции, наоборот, только царское правительство может это сделать! Конституция

нужна интеллигенции, а не вам; интеллигенты хотят только воспользоваться вами, как грубой физической силой, захватить власть и вам же сесть на шею; не верьте ей!». В доказательство искренности своего расположения к рабочим охрана при помощи своих агентов возбуждает стачку на фабрике Муси, открыто выражает сочувствие стачечникам, ее агенты даже собирают деньги на поддержание стачечников. В собраниях рабочих механического производства читается даже «Искра» с комментариями, должествующими обезвредить ее содержание; конечно, читается с искажениями самого текста, и для того подбираются наиболее с их точки зрения удобные места. Вот до чего дошла дерзость московских провокаторов! Смотрели, смотрели на эту комедию московские фабриканты и стали призадумываться; задумчивость их скоро перешла в раздражение, а раздражение уже стало принимать определенные формы, которые, в свою очередь, заставляют, вероятно, призадуматься смелую охрану. Фабриканты стали собираться и рассуждать о положении дел и пришли к выводу, формулированному одним из их видных представителей так: правительство в лице охраны хочет отвлечь рабочих от политической идеи путем уступок за счет нашего кармана, но оно забывает, что антикапитализм есть тоже политический вопрос. Пожалуй, ему и труднее будет справиться с фабрикантом, чем с рабочим! Возбуждение среди фабрикантов особенно возросло после 19 февраля, когда приказом начальства было разрешено рабочим не работать в этот день, и они собрались обсуждать вопрос, платить им рабочим за этот день или нет. Большинство все же решило заплатить. Последние дни еще было собрание, но нам неизвестны подробности о нем.

От редакции: Сообщаемые нашим корреспондентом сведения как нельзя лучше показывают, что политика кокетничанья с рабочими, являясь признаком достигшего сильной степени процесса разложения современного государственного порядка в России, в свою очередь, содействует еще большему его разложению. Не может быть сомнения, что как только зубатовцы перейдут от слова к делу, они должны будут оттолкнуть от самодержавия одну из его верных опор — фабрикантов и подвинуть их на более или менее активную оппозицию. Как говорят, московские тузы уже послали к Витте депутацию с жалобой на поведение московских властей, которые, де, сеют вражду между рабочими и хозяевами.

С другой стороны, некоторые факты показывают, что московские рабочие начинают терять терпение и перестают удовлетворяться обещаниями Зубатова и его присных. Кроме фабрики Муси, стачки имели место на шелковой фабрике Жиро, на Даниловской мануфактуре и на машиностроительном заводе Гужона. Эти стачки являются, быть может, первой ласточкой нового подъема движения московских рабочих. Стиснутая между этим движением и оппозицией фабрикантов зубатовская политика потерпит полное банкротство. Задача московских товарищей — энергичной пропагандой и агитацией ускорить момент объявления этого банкротства, который будет иметь громадное политическое значение для всего русского рабочего движения.

Петербург. 29 мая 1901 г. на Обуховском заводе было образовано целых 3 комиссии из заведующих мастерскими и других лиц заводской администрации с целью «урегулировать заработки, определить максимум рабочих дней в месяце» и вообще упорядочить все то, что относится к рабочей силе, как было сказано в особом приглашении начальника завода ко всем заведующим. Комиссии высказались за сокращение рабочего дня до 8 час., повышение платы, отмену обысков и т. п. Но возбуждение среди рабочих улеглось, вождей обуховского восстания осудили на каторгу, обуховцы не протестовали, не требовали отмены тиранического приговора над товарищами, и правительство, конечно, решило опять не церемониться с ними, и положение их по сию пору продолжает оставаться таким же жалким, рабским и каторжным, как и прежде (месячный заработок, напр., слесарей на Обуховском заводе — 21 рубль).

Но на всем пространстве России волнуется рабочий народ, везде выходит он на улицу, хоронит самодержавие и готовится схватиться с ним на жизнь и на смерть. Обуховское начальство озабочено, как бы опять не поумнели занятые у него руки и опять готовится разыграть прежнюю комедию.

«Успокойтесь, господа, — скажет обуховское начальство своим рабочим, — образована особая комиссия, она все рассмотрит, и ваши требования будут удовлетворены. Принимайтесь спокойно за работу». Неужели же наши обуховские товарищи еще раз дадут себя одурачить, неужели не поймут они, что правительство только под угрозой постоянного восстания, постоянного нападения на него и только чувствуя это нападение действительно, а не на словах, уступить требованиям рабочих.

Приводим документ:

«Усердно прошу гг. заведующих ответить мне на следующие вопросы:

«1) Можно ли и должно ли уничтожить обыск мастеровых при выходе из завода и какие меры лучше предпринять для предупреждения тайного выноса заводского имущества?

«2) Возможно ли и полезно ли уменьшить число раб. (10 час.) часов в день?

«3) Можно ли признать размер получаемой ныне платы достаточным или лучше было бы повысить его огульно?

«4) Возможно ли обойтись без экстренных работ вообще, кроме неизбежных и крайних случаев?

«5) Что было бы желательно предпринять к улучшению быта мастеровых и рабочих как во время состояния их на службе, так и по оставлении оной?

«Ответы желательно получить к субботе, 2 марта 1902 г. Начальник Завода Ген.-Майор Васильев. 28 февраля 1902 г.»

Настроение рабочих в общем возбужденное, на Путиловском заводе увольняют по жребью, на других фабриках и заводах тоже рассчитывают рабочих.

Иваново-Вознесенск. На фабрике Бурылина фабричная администрация очень усердно занимается выслеживанием «неблагонадежных рабочих». Есть здесь табельщик Фирстов; как только придет на работу ночная смена, табельщик-жандарм начинает заговаривать с рабочими о том, как тяжело работать в ночной смене, о скудных заработках рабочих и т. п. и вызывает на откровенность этих последних. Вновь поступивший рабочий попадает на удочку и, если в разговоре так или иначе проявил себя «неблагонадежным», в ту же ночь или на следующий день вызывается в контору, где и получает расчет. Выслеживанием «неблагонадежных», занимаются по приказанию заведующего и подмастерья. В отношении к работе предъявляются невозможные требования: дают гнилой материал, а с рабочих спрашивают, как говорят здесь, «золотого товара». Рабочих прижимают всячески и без того ничтожную плату урывают всевозможными способами. Так, мастер Коробов вызвал однажды одного рабочего, показал ему забракованный товар и предложил получить расчет или написать на него 40 к. штрафу, рабочий согласился на последнее. Обращение с рабочими страшно грубое. Табельщик Кочетков, выталкивая из-за машины одну работницу, ушиб ей руку; жаловаться не пошла. Рабочие терпят все притеснения до новой забастовки.

На фабрике Антона Гандурина рассчитано за малую выработку 45 чел. На фабрике Маракушева один рабочий за нанесенное ему оскорбление покаротил хозяина.

Невозможные порядки на фабрике Палушина. Рабочих держат как «в тисках», и не отпускают с работы даже по болезни. Возмутительный и в то же время характерный для наших фабричных порядков случай произошел на этой фабрике. Одна работница очень сильно захворала; она не один раз заявляла о своей болезни и просила отпуска — поправиться здоровьем, но получала отказ. Когда однажды, уже совсем больная, она обратилась с тою же просьбой, ей пригрозили расчетом. На слова, что не

чем кормиться, был короткий ответ: «Чорт бы тебя ободрал, дохни». Шатаясь, пошла она с фабрики, но, задыхаясь, села на лавке, а минут через пять умерла; об этом доложили табельщику. Тот, испугавшись, тотчас же оповестил всю фабричную администрацию, и вот собравшаяся стая, с целью выгородить себя из этой истории, придумала гнусную вещь: написала отпуск для лечения, положила его в карман покойницы и отправила ее в больницу.

Рабочих давят со всех сторон, придираются к работе, штрафуют; мастера заставляют рабочих мыть полы и стирать белье. Основы и те даются со взятками: не даст рабочий четвертак, будет работать самые плохие сорта и, конечно, заработает менее того, кто даст взятку. Фабричная администрация пользуется всяким случаем и урывает у рабочих скудный заработок.

Даниловский уезд, Ярославской губ. Есть в Ярославле кожевнный заводчик К. Е. Чувалдин или, как его зовут, Чуваша. Задумал этот Чуваша построить в самом городе свой завод. Полиция не разрешила, так как мочение кож, производящееся у наших кожевников более чем примитивно, должно было пустить сразу на весь город. Сильно вознегодовал Чуваша и, добравшись «до корня», решил, что всему виной самодержавие; поспорил, поспорил с полицией и удалился все-таки вон из города в тихий уезд, в дремучие леса и там, чтобы заглушить свое оскорбленное достоинство, принялся вместо самодержавия... за крестьян. В Даниловском уезде совсем не развита промышленность; самое обычное занятие — рубка леса. Чуваша быстро освоился с местом. Построил заводик и начал пить — есть давать крестьянам и сам питаться. Копеек за 50 в день рабочие простаивают у него часов по 12 в отвратительной атмосфере. Зловоние от прокисшей мочи ужасное; дух спирает у непривычного человека. Шкуры же стали доставлять крестьяне; особенное же удовольствие у Чуваши — это кобениться над крестьянами. Сторгует уже шкуры по дешевой цене, бедный крестьянин вспотеет, дрожит, чуть не слезы на глазах, что пришлось резать скотинку и дешево отдать. Он уже слышит дикий окрик старосты о недоимке, но Чуваша грустно задумывается и меланхолично роняет: «Нет, брат, не возьму! плоха шкура-то, да и много у меня их! Прости, что побеспокоил...» и с истинно-христианской грустью глядит хищник на беднягу. Поломавшись минут десять, он наконец ободряет крестьянина: «Ну, ну! уж так и быть! возьму! Моли за меня бога!...». И рад крестьянин, получив деньги, бежит расплачиваться... Радостно потирает теперь руки Чуваша: идет все ближе — ближе к нему голод, скотина будет нипочем; славно поживется... Такое же отношение проявляет этот «конституционалист» ко всем от него зависимым. Ту же историю он проделывает с городскими сапожниками в Ярославле, которые берут у него в лавке товар; не всегда, конечно, есть деньги у сапожника, чтобы расплатиться сейчас же за кожу; приходится молить Чувашу о кредите. И не приминет он в таких случаях подsunуть какую-нибудь дрянь, втридорога. Но особенно изощряется «Константин Егорыч» над работающими у него в лесу.

Лесной промысел дает Чуваше чудовищные барыши. Лес, купленный им за 3—4 тысячи на сруб, он ухитряется нередко сплавить за 30—40 тыс. Его недреманное око всюду следит: следит за барскими усадьбами, следит за крестьянскими обществами и всюду он приходит улыбающийся, готовый помочь... Не проходит ни одних торгов на лес, чтобы Чуваша не подстроил какой-нибудь штуки. Купив лес, он сейчас же приступает к его рубке. Чувалдин самый крупный поставщик шпал на железные дороги нашего района. Покладистый на подложные счета, он любил «душек инженеров». Как дрова, так и шпалы приходится выкладывать в ровные меры: или в сажени или в различной величины «кубы». Чуть что не так выложат, Чуваша уж никогда не даст поправить, но сейчас же раскидает кладку и велит делать все снова; а так как работа сдельная, то нередко у рабочих пропадают целые дни. «И, ведь, кладешь как следует», — говорят крестьяне, — а так вот не с той ноги встанет, и на поди! Все разворотит!»

Иногда бывает и так: «Ну ладно, ты поправь, а я за половину (платы) приму!», цинично предлагает купчина. Что же делать, не терять же день? Приходится соглашаться. Наругавшись, наиздевавшись, Чуваша едет домой и, уплетая ватрушки, повествует семье о своих делах. И все сочувственно кивают головами: «Ах, и умный же у нас Константин Егорыч!».

Из Тифлиса. В Тифлисе жандармерия совершенно потеряла голову, видя, что массовые аресты после 1 мая ни к чему не ведут.

Рабочее движение развивается вширь и вглубь; фабрики, заводы, типографии и более или менее крупные мастерские захватываются местным социал-демократическим комитетом, а народ и даже интеллигенция с особым удовольствием читает нелегальные издания комитета и его прокламации, которыми упорно наводняется наш город.

Арестуют людей без разбору, без видимых причин и улик и, продержав их месяцев 4—5 в одиночке, выпускают на свободу, и опять те же люди, не пробывши неделю на воле, увозятся снова в тюрьму, опять осуждаются и т. д.

Те слои населения, к которым комитет, по тем или другим причинам, не имеет доступа, само жандармское управление революционизирует своими арестами.

В последнее время, особенно в феврале месяце, произведено очень много арестов в разных частях города и слоях населения.

Баку. Здесь все боятся «бунта» рабочих. Чуть ли не каждый день новые обязательные постановления; то запрещаются сходки, то ношение оружия. С 1 марта вводятся здесь, по примеру Питера, «дежурные» дворники. Недостаточно, оказывается, что в каждом доме есть дворник-шпион. Летом, говорят, жандармерия обратилась в городскую управу с просьбой ассигновать 17 тысяч рублей на тайную полицию. Управа отказала. Теперь жандармерия из своих сумм назначила 25 тысяч.

«Искра» здесь читается и нравится.

Кризис продолжается и обостряется, здесь половина заводов стоит. Увольняют рабочих массами. Около 10 тысяч отправлено за последние 10 месяцев полицией по льготному тарифу.

Нам сообщают из нескольких источников, что в январе в Туле солдаты, вызванные для «усмирения» стачечников с Оружейного завода, отказались стрелять в рабочих.

## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

### ФРАНЦИЯ.

Со 2-го по 6 марта (нов. ст.) в г. Туре заседал конгресс той социалистической партии, которую принято называть «жоресистской» и которая составила из разношерстных элементов, объединенных ненавистью к «старым» рабочим партиям, стоящим на почве классовой борьбы («гедисты» и «бланкисты»).

С той самой минуты, как Жорес и его друзья стали усердно отстаивать вступление Мильерана в министерство и требовать от пролетариата, чтобы он в этом шаге Мильерана видел приближение к своей конечной цели — завоевание политической власти — с той самой минуты они выдвинули, как боевой пароль своей группы, требо-

вание «объединения» всех социалистических групп Франции, несмотря на резкие разногласия по вопросам программы и тактики, обнаружившиеся как раз в то время между разными фракциями. Объединение во что бы то ни стало, объединение ценой каких угодно компромиссов! Все спорные вопросы должны быть оставлены в стороне: сначала объединимся, а потом уж придет согласие. Так говорили жоресисты, и им, повидимому, удалось убедить большую часть организованного пролетариата. Но объединение, совершившееся на конгрессе 1899 г., оказалось непрочным. Уже со следующего конгресса, в 1900 г., Французская Рабочая Партия (официальное название гедистов) должна была уйти, убедившись в том, что Жорес и его фракция не желают считаться с решениями объединенной партии и выше всех принципов ставят поддержку Мильерана. Бланкисты оставались в объединенной партии еще в течение года, надеясь побудить товарищей отказаться от гибельной для всего социализма тактики. Но поведение большинства на Лионском конгрессе (1901) заставило и их уйти вместе с несколькими самостоятельными областными (департаментскими) организациями после того, как партия решительно отказалась исключить Мильерана.

Гедисты и бланкисты с упомянутыми областными организациями после того объединились в один «Революционно-Социалистический Союз», который чрезвычайно быстро усиливается и обещает объединить все революционные элементы пролетариата. Так без шума и лишних криков об «объединении», единственно надежным путем подбора единомыслящих элементов, достигается действительное сплочение пролетарских сил. Напротив того, вечно провозглашающие необходимость «единения», Жорес с братией идут от одного раскола к другому, и партия их тает с удивительной быстротой.

Вскоре после Лионского конгресса некоторые члены «социалистической партии» Жореса потребовали вновь исключения Мильерана за его пресмыкательство перед русским царем во время поездки последнего во Францию. Стараниями Жореса и его друзей это предложение было провалено. В ответ на это из партии вышла фракция аллеманистов («Рабочая Партия Социалистов-Революционеров»), последняя из «старых», т. е. сколько-нибудь организованных фракций, оставшаяся в «единой» партии, а с нею еще несколько более революционно настроенных областных организаций. За Жоресом остались только разрозненные и проникнутые местными интересами областные организации, и их объединение носит, как выяснилось на конгрессе, совершенно призрачный характер.

Турский конгресс должен был дать «единой» партии программу. Генеральный Комитет представил проект, с обсуждения которого и начались заседания конгресса. Проект показался конгрессу слишком революционным и «сектантским». Бывший марксист Габ. Дэвиль усиленно настаивал на удалении из программы всяких упоминаний о революции. Следуя за «великим» Бернштейном, он доказывал, что прогресс капитализма ведет к систематическому улучшению положения рабочих, что число собственников не сокращается, а растет и что понятие революции не «научно», а потому не должно применяться в программе партии.

Как и во всякой программе, так и в проекте, представленном Комитетом, наряду с конечными целями дви-

жения выставлена «программа-минимум», т. е. программа тех ближайших требований, которые партия предъявляет к современному порядку, которые вполне могут быть осуществлены при капиталистическом строе. Из числа таких требований Дэвиль предлагает удалить 8-часовой рабочий день и заменить его «мероприятиями, которые подготовили бы 8-час. рабочий день», вместо обычного требования не только социалистов, но и радикалов «упразднить Сенат\* и президентскую власть», он предлагает ограничиться требованием, чтобы Сенат выбирался всем народом. Словом, как и все оппортунисты, Дэвиль понимает под «ближайшими» требованиями программы не те, которые пролетариат может силой вырвать у буржуазии при современном строе, а те, которые буржуазия согласится добровольно осуществить. Русский читатель припомнит подобное же толкование «ближайших» требований среди наших «экономистов», заменяющих 8-час. рабочий день 10-часовым и требование парламента — требованием допущения рабочих представителей в департамент торговли и мануфактур.

В таком духе представители большинства партии критиковали проект Комитета и добились того, что он был оставлен в стороне; взамен него Жорес предложил составленную им велеречивую и расплывчатую программу, удовлетворяющую всех и каждого — революционеров тем, что в ней говорится часто о революции, а умеренных — тем, что она вся пропитана бернштейнианством. Программа Жореса была принята единогласно и без споров — единственный в своем роде пример. Обыкновенно партии долго готовят, обсуждают и исправляют программу, каждый пункт взвешивается, прежде чем быть принятым; тут же проект, составленный в 24 часа, немедленно же одобрен конгрессом. Лучше нельзя было иллюстрировать слепое отношение массы партии к своему «императору» (как выражаются гедисты и бланкисты) Жоресу. Жоресисты очень любят упрекать противников в «сектантской» преданности «вожаков» Геду и Вальяну; эту преданность они усматривают в той внутренней и внешней дисциплине, которую проявляют сознательные рабочие, воспитавшиеся в неумолимой классовой борьбе со всем буржуазным строем. Если они обыкновенно единодушно следуют за своими «вожаками», то потому лишь, что и вожаки и масса, в общем и целом, руководятся одними и теми же принципами революционного социализма. Напротив, оппортунисты, всегда действующие на практике враздρόб под влиянием случайных соображений минутной выгоды, очень склонны без критики принимать, в области принципиальных заявлений, все, что предложит тот или другой демагог, изучивший их психологию.

Эти свойства оппортунистов ярко иллюстрируются следующими данными, которые мы заимствуем из прекрасной статьи Р. Люксембург в „Neue Zeit“ (№ 24) и которые относятся к голосованиям социалистических депутатов в парламенте по разным практическим вопросам.

Социалистический депутат Семба внес (2 ноября) предложение о том, чтобы Франция поддержала турецких

\* Французский Сенат выбирается только кучкой привилегированных лиц и играет роль вечного тормоза, отменяющего все серьезные реформы, принятые Палатой Депутатов.

армян в борьбе против угнетения турецкого правительства. Из фракции Жореса 8 человек голосовало против этого предложения, 20 за него, 4 воздержалось.

Социалист Зеваэс предложил (8 ноября), чтобы Палата немедленно издала закон для охраны труда железнодорожных рабочих. 16 депутатов голосуют за, 13 против, один воздерживается.

В тот же день, по тому же вопросу, голосуется предложение выразить доверие правительству (отказавшемуся помочь железнодорожным рабочим): 22 «социалиста» голосуют за, 3 против, 4 воздерживаются.

25 ноября обсуждается заем для покрытия издержек по грабительской экспедиции в Китай: 2 голосуют за, 25 против, 3 воздерживается.

28 ноября вотируется поздравление Палаты войскам, вернувшимся из Китая, где они производили всякие бесчинства: 8 за, 11 против, 11 воздерживается.

2 декабря вотируется бюджет на содержание колониальной армии: голосуют 4 за, 10 против, 16 воздерживаются.

И т. д.

Во всех этих вопросах революционные социалисты всегда голосовали, как один человек, в согласии с своей программой.

Что эти шатания не являются делом случайным, подтвердилось еще раз на конгрессе. Здесь прямо был провозглашен принцип, что депутат-социалист за свои действия отвечает не перед партией, а только перед своими избирателями, т. е. перед своей местной группой. Этим самым навсегда освящается политика «приспособления к обстоятельствам» и уничтожается самое понятие организованной классовой борьбы, которую пролетариат ведет, как целый класс, ставя общие интересы движения выше частных мимолетных интересов времени и места. Этот принцип «автономизма», т. е. полной самостоятельности местных групп, чрезвычайно последовательно проводился на всем протяжении конгресса. Организационный устав партии был выработан так, что совершенно уничтожил власть и значение Генерального Комитета, ответственного перед всей партией; связь между отдельными группами осталась чисто внешней; на предстоящих выборах в Палату местным группам предоставлено самим решать вопросы о своем отношении к буржуазным партиям, т. е. они вольны соединяться с какой угодно буржуазной партией на каких угодно условиях. При нынешних условиях это значит, что «социалисты» партии Жореса будут, где им понадобится, голосовать в пользу — «официальных» кандидатов министерства Вальдека-Руссо, против социалистов действительно-пролетарской партии.

Вопрос об «автономии» местных групп очень тесно связан с вопросом об оппортунизме в социалистической партии. Во все времена и везде люди, отступавшие от классовой точки зрения, были очень склонны раздувать местный эгоизм и местную ограниченность интересов и отстаивать «автономизм», т. е. право поступать в своей деятельности, соображаясь, главным образом, с местными настроениями. У нас, в России, как и во Франции и Германии, за самостоятельность местных групп ратуют те самые люди, которые не могут или не хотят возвыситься до точки зрения интересов классовой борьбы во

всем ее целом. Но совершенно справедливо заметила одна франц. буржуазная газета по поводу новой организации жоресистской партии, что принятый ею автономизм есть лучшее средство превращения каждой местной группы в клику прихвостней местного вожака, стоящего во главе не потому, чтобы он лучше, дельнее и серьезнее защищал общее дело пролетариата, но потому, что он сумел ловчее других угодить всем местным самолюбиям и приспособиться к местным вкусам.

Вопрос об удалении из партии Мильтерана был устранен от обсуждения, и партия продолжает считать в своих рядах лакея русского царя. Поднят был вопрос о поведении деп. Журда, подписавшегося на сбор, устроенный для поднесения Николаю II «почетной шпаги», но и этот вопрос был замят конгрессом. Точно также поступили и с другими депутатами, прославившимися подобными же поступками.

На Турский конгресс не было получено ни одного приветствия ни от какой социалистической партии других стран. Международный социализм отрешивается от солидарности с партией Жореса-Мильтерана. Для всех становится ясно, что эта партия представляет собой бессознательную часть французского пролетариата, руководимую ловкими оппортунистами, преследующими одну цель — воспользоваться пролетариатом для политических интересов буржуазно-радикальной партии. Чуждая международному революционному пролетариату, жоресистская партия пользуется благоволением французских буржуазных радикалов, благодаря чему, вероятно, получит на предстоящих выборах не мало депутатских мест. Для буржуазии, действительно, не может быть ничего приятнее возможности выставить против классовой партии пролетариата такую «рабочую» партию с социалистической кличкой, которая на практике идет рука-об-руку с буржуазными партиями. Французские буржуазные политики делают то же самое, что пытаются у нас сделать Зубатовы, что стараются постоянно делать умные буржуазные политики всех стран.

Судьба французского «министерского» социализма тем и интересна, что она показывает, как неизбежно бернштейнианство — оппортунизм — и отказ от революционных принципов должны сделать социалистов невольными пособниками буржуазных врагов пролетариата.

## ИЗ ПАРТИИ

«Группа Инициаторов»<sup>1</sup>, о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141, просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из „Союза“ в конце 1900 г., остальные же — в 1901 г., лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от „Союза“ согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-Демократ», — в чем и состояло предложение «Группы Инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы Инициаторов»,

при чем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией „Искры“. Вскоре, однако, администрация „Союза“ известила „Группу Инициаторов“, что она после появления первого номера „Искры“, в котором напечатана заметка о расколе в „Союзе“, изменила свое решение и не желает входить в сношения с „Искрой“. Как объяснить после этого заявление члена администрации „Союза“, что отказ „Союза“ от конференции был вызван и с к л ю ч и т е л ь н о недовольством последнего составом „Группы Инициаторов“? Правда, непонятно также согласие администрации „Союза“ на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере „Искры“ осталась в силе, а „отрицательное“ отношение „Искры“ к „Союзу“ еще яснее выступило в первой книжке „Зари“ и 4 номере „Искры“, появившихся до июньской конференции».

*Н. Ленин.*

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Ростов-на-Дону. 4 марта днем взяты на квартире во время печатания прокламаций студенты Серебряков, Рафалович и землемер Шпак с своей женой. При входе жандармов Серебряков кинулся на полковн. Артемьева и начал душить его. Произошла свалка, во время которой хозяева старались сжечь бумаги, но это им не удалось. В тот же день был обыск у студ. Захарова; у него на квартире взят студ. Ананьев. За несколько дней до того арестованы: Полина Чайченко, ее брат, Мелешко, рабочий Дубровин и другие рабочие.

Кишинев. 13 марта арестована типография и при ней Исаак Риман с женой и ребенком и еще 2 чел.

Баку. Арест. (в февр.) Н. М. Флеров (был дважды в ссылке).

Пермь. 1 февр. арестованы: высланный из Сормова рабочий Булатов, Глушков, Лихачев, бывш. слуш. мед. инст. Е. А. Рогова, служащая в городск. библиотеке А. Н. Ягодникова, народн. учитель Ф. Н. Ягодников; около того же времени на Добрянском заводе: народн. учитель Черепанов и рабочий Коровин. После того в течение февраля арестованы: Я. Г. Безруков (выпущ.), фельдш. ученик Горшков, бывш. студ. Пет. унив. Коптевский, реалист VI кл. Левин, бывш. студ. воен.-мед. академии П. Н. Мостовенко, служащий жел. дор. И. М. Рутман, корректор «Пермск. Края» А. И. Ставровский, пом. прис. пов. В. Н. Трапезников (выпущ. через неск. дней). Наконец, 6 февраля усердие жандармов дошло до того, что они посадили заведующего стат. бюро губ. зем. упр. В. А. Владимирского и купца, гласного (земств и думы) пароходовладельца Н. В. Мешкова.

Нижний-Новгород. Арестованы рабочие Панкратов (с прокламациями) и Чистов. Из прежде взятых все выпущены, кроме студ. Сысина, рабочего Комолова и фельдшерицы Второвой.

Пенза. При обыске у бывш. гимназиста Чернова взяты протоколы собраний гимназического кружка, следствием чего был ряд обысков у гимназистов.

Смоленск. Взяты: Влад. Фриделин, студ. Петерб. унив., рабочие Певзнер (15—16 л.) и Самуил Гдалин и статистики Турчанинов и Смирнов.

Воронеж. В. Носков, привлекавшийся по Иваново-Вознесенск. делу и приговоренный к ссылке в Сибирь, бежал и благополучно прибыл за границу.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: из Волжской столицы 70 руб.; от Н-ского Комитета 30 руб.; от инженера 15 руб.

От Парижской группы 553 фр.

Из Дармштадта 94,25 мар.

Из Льежа 101 фр. (в том числе 30 фр. от фабричного инспектора).

Из Лондона 20 шилл.

От Б-ской группы за февраль: из далека 200 р. (в том числе от Х—б 50 р.), от Фанни из Л. 105 м., через Фанни из Л. 9 м., от М. из Л. 33 м., от Б. 40 м., от М. Д. 30 м.; за март: пожертвований 113,75 м., из Тверской губ. 25 р., Фанни из Л. 50 м., от М. из Л. 5 м., через М. от Т. Р. И. 3 м., через иностранца от В. В. 2 м.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART,

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

## ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Группа Инициаторов», в которую входили: Н. Рязанов, Ю. Невзоров (Стеклов), Б. Даневич (Е. Смирнов), обратилась: 1) к заграничному отделу организации «Искры», 2) к революционной организации «Социал-Демократ» и 3) к «Заграничному Союзу Русских Соц.-Дем.» «с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, третья—отказом» (см. об этом Собр. соч. Н. Ленина, том V, стр. 272). Члены этой группы, после неудачи «объединительного» съезда в октябре 1901 г., выступили как самостоятельная издательская группа «Борьба».